

Василий Пряхин

Домик на дереве

роман

16+

Василий Васильевич Пряхин

Домик на дереве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42771728

SelfPub; 2019

Аннотация

Действия романа происходят в вымышленной стране – Романдия. Александр – двенадцатилетний школьник, сын офицера элитных войск ЦЦ, цель которых на гражданке усмирять тех, кто не согласен с догматами Партии и уничтожать тех, кого товарищ Силин считает врагом общества. С лучшим другом Степаном они строят домик на дереве – тайный штаб, в котором можно уединиться и поговорить о сокровенном. Все шло по плану, пока однажды они не встретили существо с огромными крыльями...

Домик на дереве

Часть 1

Глава 1

Тем летом, засушливым и безжалостным, иногда балующим горожан громогласным рокотом небесной тверди и сверкающими молниями в иссиня-черных громадах облаков, после которых обязательно заряжалась канонада дождя, я трудился у дедушки в гараже, ремонтировал всякий старый автомобильный хлам. Хотя ремонтировал – это сильно сказано. Тогда мне только-только исполнилось двенадцать лет, и дед доверял мне только одну работу: принеси – подай – не мешай. Во время третьей стадии, в которой я не должен был мешать ворчливому и по большей части времени сквернословившему деду, особенно, когда у него не получалось открутить какую-нибудь заржавевшую, прикипевшую гайку к болту, я прибирался в гараже. А это знаете, еще тот рабочий труд! Я то ветошь промасленную собирал в мешки, а потом выбрасывал их в закрытый бак для мусора, стоявший на улице, подле гаража. То проводил влажную уборку гаража до начала работы и после; набирал полное ведро воды, наливал туда белизны – как учил дед, ни меньше пяти колпачков – и натирал тряпкой пол до блеска. То прибирался на верстаке, на котором в конце рабочей смены чего только

не было: и гайки, и ключи, и сайлентблоки, и подшипники, и прочее барахло, выпотрошенное из древних машин (и все это надо было разложить по своим местам; дед хранил сотни жестяных банок). То начищал до блеска гаечные и разводные ключи, счищая с них солидол, масло и ржавчину.

Несмотря на дедовское ворчание, к которому я быстро привык, на его строгость и педантичность во всем, что касалось работы, мне нравилось работать в гараже. Причем по разным причинам. Ну, во-первых, работая на деда, я всегда мог рассчитывать на хорошее жалование; таким оно и было, дед никогда не был скупердьяем и любил, когда люди – и особенно я! – зарабатывали деньги честным физическим трудом. Во-вторых, я обожал раннее утро перед трудовой сменой. Я и сейчас вижу, как мы сидим с дедом в гараже на двух самодельных стульях и пьем кофе, не торопимся, наслаждаемся каждым глотком этого бодрящего напитка; ворота распахнуты настежь, в гараж проникает утренняя прохлада назревающего летнего дня; на улице – тишина, через которую слышна ничем несравнимая музыка: стрекотания сверчков в траве и мелодичное пение птиц, спрятавшихся в кронах двух молодых берез, которые выросли в метре от гаража. В-третьих, я любил перерывы между работой. Признаюсь честно, я их ждал с огромным нетерпением и даже томлением, потому что дед баловал меня историями из своего прошлого, которое и пугало, и пленило (я с трудом верил, что раньше люди жили сами по себе и делали, что хотели, по крайне ме-

ре, верили, что могут делать то, что захотят). И последняя причина, почему мне нравилось проводить время в гараже, это наблюдать, как из ржавшего и никому ненужного «ко-ня» с четырьмя прохудившимися колесами, на свет является что-то вполне сносное и красивое для глаз и общества. От таких чудес я был счастлив. И не только я: дед радовался пу-ще моего, он был похож на мальчишку в теле старца. В моих глазах он был героем.

Вспоминая деда, сердце невольно сжимается, а в глазах – грусть и тонкая пленка печали. Нет, серьезно, я многое от-дал бы за возможность побыть несколько мгновений с де-дом, попить горячего и крепкого кофе в его пропитавшемся машинным маслом гараже, слушая просыпающийся мир под симфонию тихого шепота ветра, – и от души почесать языка-ми о простых мелочах, окружающих нас, простых смертных. Кстати, он был большим сторонником теории, что все лю-ди на планете, независимо от вероисповедания, националь-ности и цвета кожи, должны стремиться к гармонии с тем, что их окружает. А по его скромному мнению, нас окружа-ют простые мелочи, которые и делают нас счастливыми, ес-ли мы умеем их ценить, хранить и беречь, словно это един-ственное богатство, способное приблизить нас к Богу. Дед считал своим богатством, как это ни странно, свой гараж и тот хлам, который он ремонтировал день и ночь. Это было сказано по секрету, в гараже, вдали от бабушки. На семей-ных празднествах дед не заикался о гараже, хранил его для

себя, но если был повод, то обязательно напоминал, что семья – это и есть богатство, сотканное из сотни любимых простых мелочей. Не подумайте, что он лукавил. Он любил свою семью, по праву гордился ей, трепетно оберегал ее от любых невзгод и превратностей судьбы. Я чувствовал сердцем, что он любит нас, каждого по-своему, просто... Просто его сердце по праву принадлежало бездушным и холодным грудам железа – старым машинам, которые по неведомым для меня причинам доверяли ему и его рукам, отчего через короткий промежуток времени в них снова начинал дребезжать огонек жизни, а в душе деда – царил и покой, и удовлетворенность. Об этом он сам мне поведал, когда закончил реставрировать старенький седан «Шеви». Он сказал: «Для чего рожден человек, ты, наверное, знаешь. Знаешь? Я тебе напомним: для того, чтобы нести, прежде всего, пользу для общества. Быть его неразрывной частью, составляющей, не отделяться, чтобы не стать слабым. Об этом знает каждый гражданин и это отрадно, что наш народ сплочен как никогда. Но прежде чем нести пользу для общества, надо понять, кто ты есть на самом деле и чем ты хочешь заниматься по жизни. Я вот сделал свой выбор в далекой молодости и ни разу не пожалел об этом. Я понял, что могу предложить обществу. А ты определился? Или еще думаешь?»

В тот день, я не ответил на его вопрос. Помню, что засомневался и даже растерялся. Это и неудивительно, мне ведь тогда было двенадцать, еще совсем мальчишка. Если бы он

спросил у меня в конце лета – после случившегося в домике на дереве – я бы не думая ответил, но. Но я забегаю немного вперед...

Глава 2

На самом деле, все началось ранней весной; тогда я познакомился со Степаном Башковым. В начале января я подхватил грипп, не вылечился как следует, выскочил на улицу и нагулял себе пневмонию; слег в больницу на три недели. В первую неделю заточения я чуть с ума не сошел от одиночества; еле сдерживал слезы. Но на восьмой день все изменило, кардинально и бесповоротно, в лучшую сторону. Тому виной стал мой ровесник Степан, который как и я подхватил злополучную пневмонию; правда, если бы он ее не получил, это было бы чудо. Он решил продемонстрировать храбрость перед девчонками из параллельного класса, прогулявшись по тонкому весеннему льду. Прогулялся что надо: провалился под лед; ладно хоть не растерялся, не запаниковал и самостоятельно выбрался из ледяного плена. Пока бежал до дома, одежда встала колом, а брови и волосы покрылись льдом.

Со Степаном мы быстро нашли общий язык, что, в общем-то, неудивительно. Нам было по двенадцать, и мы до ужаса обожали машины и знали о них практически все... или, по крайней мере, утверждали это, чтобы не казаться в глазах собеседника обычными дилетантами. Ох, сколько мы спорили в те дни – и не счесть! На дню по раз двести-три-

ста! Я не шучу. Он доказывал, что «Мерседес» в два счета проиграет «Форду» и в ходовых качествах, и в комфортабельности. Я естественно не соглашался с ним, смеялся над его доводами, которые были смехотворны и смешны, и стоял на своем: мол, «Мерс» всегда будет лучше, причем по всем показателям, «Форда» – америанской подделке, сделанной без души, без чувства меры и толка. В первый день нашего знакомства мы после такого необузданного, чисто мужского спора воспользовались кулаками. Подрались на славу, переполошили весь медицинский персонал. У каждого было по красивому фингалу и незначительные ссадины на лицах, шеи, на руках, на которые мы и внимания не обращали. Но ведь всем известно, особенно мальчишкам двенадцати лет, что после хорошей драки обычно зарождается крепкая дружба. Такая дружба и у нас зародилась неожиданно-негаданно. Последние мои дни, проведенные в больнице, мы были не разлей вода; врачи даже передумали нас переселять, а после драки у них витали такие мысли, думали, что подобный инцидент может повториться.

Меня выписали в начале апреля, а Степана – в середине. Все те дни, что он лежал в больнице один-одинешенек, я старался навещать его каждый день, чему он был только рад. Я знал, как тяжело нести бремя болезни в четырех стенах без верного спутника и не хотел, чтобы он скучал. Конечно, он скучал, но все равно не так. За отведенные часы приема мы успевали поспорить – и не один раз, кстати! – поиграть в

кучу игр, обсудить несколько важных вопросов, касаясь автотропа и запланировать столько всего на летние каникулы, что мне самому не верилось, что мы способны воплотить их в жизнь. (Я зря сомневался, наши планы были выполнены с опережением графика). В общем, к середине апреля мы стали закадычными друзьями, которым были нестрашны любые трудности и прочая ерунда; я сейчас имею в виду, что мы учились в разных школах, более того – жили в разных районах, но это не мешало нам встречаться на стадионе «Дружба» и делать то, что нам нравилось. А именно: гонять мяч с его товарищами, которых было немало, по вытоптанному полю, только что оттаявшему от снега; играть в салочки на Кленовой улице; бегать по подъездам и звонить в каждую дверь; устраивать пикники с кучей шоколада и несколькими литрами шипучей газировки; ездить на велосипедах в лес, к илистому берегу реки, где мы любили помечтать и поглазеть на небесную огранку земного шара; ходить в кино и на автомобильные выставки, будоражащие наши чувства и, конечно, строить дом на дереве. Но о домике чуть позже, сначала расскажу о Степане...

Степан был старше меня всего на три месяца, но казался старше на год, а то и на два. Не меньше. Всею виной – его рост и богатырское телосложение. Если мы вставали друг другу спинами, то я как раз доставал макушкой до его широких плеч. Я уже не говорю о его коренастом и накаченном теле, за которое я мог с легкостью спрятаться, как за необ-

хватный ствол многовекового вяза; все мальчишки завидовали Степану, заглядываясь на его мощную спину, спину Атланта, расправившего крылья, на выпирающие груди и бицепсы-шарики. Бесспорно, матушка-природа наградила его выдающимся телосложением, которое он развивал в секции по боксу.

Вы, наверное, сейчас подумали, что Степан был страшным задирой, грозой всех малолеток? Первое впечатление всегда ошибочно, потому что мы привыкли судить человека по каким-то установленным шаблонам. Мол, боксер, значит такой-то и такой-то. На самом деле у Степана был добрый характер, он относился к людям с должным уважением, поэтому у него было много друзей. Он не перечил старшим, будь это школа или улица, без разницы. Любил поспорить, но не распускал кулаки; не в счет нашу драку в больнице, там я сам виноват, сам спровоцировал его, хотя знал, чем это может закончиться. А так же он был верным сторонником вставать «горой» за тех, кто не мог за себя постоять и воспитывать тех, кто издевается над слабыми и беспомощными (ох, как он ненавидел таких парней, терпеть их не мог, у него сразу начинали чесаться кулаки). Прибавьте ко всему этому благородному коктейлю открытость и общительность – и получится отличный друг, который со сто процентной вероятностью не бросит в беде, при любых обстоятельствах поддержит, когда это будет необходимо. Что-то, а Степан умел поддерживать меня в трудные минуты, а таких минут

у меня было немало, к сожалению; каждая несчастная семья несчастлива по-своему.

Семью Степана можно смело отнести к разряду «счастливых». Почему я так решил? Не знаю, но стоило мне только переступить порог их дома – а жили они в одноэтажном коттедже – и я проваливался в атмосферу уюта, тепла, любви и что немаловажно товарищества. Это было сродни оказаться в другом мире, где всех вверх тормашками. Если в моей семье было не принято болтать во время еды, то тут, пожалуйста, кричи во все горло и смейся, сколько влезет, никто и слово не скажет. Если мне строго-настрого запрещалось спорить или обсуждать решения старших, то у Степана вошло в это привычку; родители его за это не ругали, даже поощряли. Если нам с мамой было запрещено играть на пианино и петь старые народные песни после пяти вечера, когда отец приходил с работы, то тут пели до самой ночи, пока голоса не сядут или не надоест. И еще тысячу различий между моей семьей и его. Наверное, так и должно быть. Каждая семья – это маленькая жизнь со своими странностями и тайнами. Но главное отличие было, как я уже говорил, в атмосфере. Его родители почти всегда были в хорошем, приподнятом настроении, улыбались, обнимались, порой и целовались, скромно так, чувственно. Мне и не счесть сколько раз его целовала мать в щечки, перед тем как отпустить на улицу, как и количество крепких мужских объятий отца, когда тот приносил радостные вести или наоборот плохие.

Мои родители были полной противоположностью родителям Степана. Никаких поцелуев, никаких рукопожатий и объятий, никакого смеха, фривольности, пошлости. Отец с матерью держались отстраненно, словно были чужими друг для друга людьми (тогда я считал, что это в принципе невозможно), редко улыбались, редко говорили друг с другом, я уже не говорю о чем-то большем. Я ни разу не видел, чтобы отец целовал маму; я тоже был лишен такой прерогативы, от чего чувствовал себя каким-то ущербным, обделенным. Порой я не мог удержаться и крепко обнимал отца, когда он приходил домой с работы. Ему это не нравилось, он морщился и отстранялся от меня, чего уж там скрывать: отталкивал, словно я мерзкий африканский паук, а потом еще ругал за то, что я расту чувствительным как девчонка. На этом его нравоучения и недовольства не заканчивались, он переводил все свое внимание на мать и раздраженно указывал на ее ошибки в воспитании сына. Находчиво и дотошно объяснял, что мужчина обязан быть сдержанным, холодным, рассудительным, уверенным в себе в любой ситуации, а излишняя чувствительность приведет к мягкости внутреннего стержня, что никак неприемлемо для будущего блюстителя Великой Нации, для будущего нациста, незнающего пощады и жалости. Так он считал. А если отец так считал, значит, это было верное – правильное – мнение, которое не оспаривается и не обсуждается. Иногда у мамы хватало духу спорить с отцом, но такие споры приводили к тяжелым последствиям.

Отец ненавидел споры, привык, что его слова – закон. Поэтому он бесцеремонно затыкал рот спорщику, матери: либо взглядом, полным ненависти, черни, от которого леденела кровь в жилах, либо кулаками, которые колотили ее без особой скромности, без жалости, либо словами, больно впивающимися в нутро, туда, где спряталась человечность. Даже когда мы не спорили, когда выполняли все его поручения и обязанности, когда вели себя тише воды, он все равно находил к чему придраться, ругал за безделье, неряшливость, неучтивость, за многое ругал, а после наказывал: за не заправленную постель я мог получить несколько ударов по спине кожаным армейским ремнем. Но что самое отвратительное: порка ремнем было не самым страшным наказанием, бывало и похуже...

Но я в очередной раз отвлекся от темы повествования. И все почему? Ответ очевиден и лежит на поверхности: я завидовал Степану и мечтал, чтобы у меня была такая же семья – счастливая. Чтобы и я был таким же как он – счастливым.

Глава 3

Что нас делает сильнее? Проблемы, трудности, испытания, сопутствующие во время нашего жизненного пути? Или опора близких людей, их поддержка, вера, одобрение, любовь, не безразличие? Я думаю, что то и то. Испытания закаляет характер, а любовь – окрыляет, безвозмездно дает силы, чтобы продолжать бороться, стремиться к невозможному и непостижимому. Мои суждения наивные и глупые? И

пускай! Зато я верю в то, что говорю. Я верю, что именно поддержка мамы, верного друга Степана, любящей жены – их преданная любовь ко мне! – сделали меня сильнее вкупе с проблемами, которые периодически возникали на моем извилистом пути.

Двадцать второго мая, в субботу, я столкнулся с проблемами, которые не закаливали характер, а расчеканивали, делали его податливым и хрупким. В какой-то миг я думал, что сдамся, плюну на все и убегу от нависших бедствий, но этого не случилось и все благодаря маме и Степке, которые не подозревали и не подозревают, что были причастны к моему спасению.

Все началось с утра, когда я по неосторожности выронил из рук книгу и разбудил отца, который естественно был не рад такому раскладу. А кто бы обрадовался в перспективе быть разбуженным в семь утра, в субботу? Отец встал с кровати, нервно отбросив одеяло, надел халат и вскоре уже был в моей комнате, глядя на меня с осуждением. Помню, что я застыл на месте, не зная, что сказать в свое оправдание, потому что не было никаких оправданий: я нарушил его закон – и точка. Закон заключался в следующем: лежать на кровати и ждать, когда проснется он. Он не просыпался, мне стало скучно, и я решил почитать. Почитал на свою голову.

– И что это было? – зевая, спросил он, поправляя полы задранного халата. Сонное лицо, лишённое жизни. Ни морщинок. Ни тени эмоций. Один холод, злость в глазах.

– Извини. – Я смотрел на пол, понуриив кудластую голову.

– Мне не нужны твои извинения. – Он подошел ближе и смахнул с моей щеки слезу. Я боролся со слезами, но те предательски бежали по щекам. Отец считал, что мужчины, которые плачут ничтожнее баб и их место – в могиле. – Я спросил, что это было?

– Я выронил книгу из рук.

– И?

– Я виноват.

– Уверен?

– Да.

– Не хнычь. – Он положил руку на мою голову, на копну длинных, непослушных волос. Я еще больше расчувствовался. – То, что ты признаешь себя виновным – это уже хорошо. Уже прогресс. Нет больше оправданий, зато остались сопли. Когда ты научишься, наконец, вести себя так, как подобает настоящему мужчине, справляться с трудностями без чертовых слез на глазах? Рыдать – удел слабого пола. Не твой и не мой удел. Наш удел служить родине и защищать ее интересы.

– Я стараюсь, папа.

– Твоих стараний для меня недостаточно. Ты пока только говоришь, обещаешь. А как насчет того, чтобы перейти от слов к делу, товарищ? Как смотришь на эту идею?

– Положительно, – сорвал я.

– Хороший ответ. Твой деловой подход мне нравится. По-взрослому.

– Спасибо, пап.

– Не за что меня благодарить. Не за что. – Он замолчал и задумался. – Наказание тебе все равно не избежать.

– Может, не надо?

– Давай, я буду решать в этом доме, надо тебя наказывать или нет.

– Прости, пап.

– Я слишком часто тебя прощаю. А заслужил ли ты такой чести, если даже не можешь руководствоваться простейшими правилами, установленными в этом доме? – Молчание. – На часах пять минут восьмого, я стою здесь, в халате, и веду профилактическую беседу с сыном. Это нормально?

– Нет.

– Тогда о чем разговор? Будь здесь, я сейчас приду.

Вы, наверное, догадались, что было потом? Мне здорово досталось; пять ударов по спине кожаным армейским ремнем – всегда испытание, причем испытание в основном психологического действия, не физического, как могло вам на первый взгляд показаться. К боли во время отцовской трепки я настолько привык (он бил меня по поводу и без тако-го, по настроению), что иногда и не чувствовал ударов, словно тело покрылось защитным металлическим слоем. Главное заключалось в другом: сломаюсь я или нет? Закричу ли я от жалости, буду ли я молить о пощаде и извиняться перед отцом или я буду сильным, упрямым, стоически переносить удар за ударом, не проронив ни звука, ни упрека, ни

жалких слов о своем помиловании? Выстоять или упасть? Сдаться или выиграть? Обычно я не сдавался (не ломался), держался изо всех сил, чтобы не упасть в глазах отца, и в собственных – тоже. Видя, как я держу в себя боль, отчаяние, всю злость, копившую внутри, подобно снежному кому, отец улыбался, ехидно так, улыбкой победителя, улыбкой хозяина моей судьбы. А потом еще говорил, что выполняет благородную миссию: помогает мне стать настоящим мужиком, истинным славянином, который в будущем не посрамит Великую Нацию, захватившую почти все Земли мира, чтобы доказать, что они сверхлюди, Боги в человеческих телах.

Пять хлестких ударов ремнем не смогли сломить меня; для этого требовалось ударов тридцать, а то и больше, пока спина не станет свинцово-пунцовой, припухшей, уродливой, тяжелой, как медь, пульсирующей, словно нерв в больном зубе. Отец знал, что я крепкий орешек, поэтому после трепки предпринял иные меры воздействия на меня: поставил меня коленями на горох и изрек:

– Теперь у тебя будет время подумать о своем отвратительном поведении. До обеда. Если встанешь раньше – мне придется повторить сегодняшнюю процедуру. Все понял?

– Да.

– А где сэр?

– Да, сэр.

– Так лучше. И смотри, не блефуй, я буду периодически проверять тебя.

– Я никогда не блефую.

– Вот и хорошо.

– Папа? Сэр?

– Что?

– Я хотел просто полежать в постели, почитать книгу, чтобы скоротать время.

– И?

– У меня и в мыслях не было тебя разбудить.

– Я знаю. И?

– Это вышло случайно.

– Случайно, значит?

– Да, сэр.

– Я понял, к чему ты ведешь. Ты ведешь к тому, что я неоправданно тебя наказал? Так?

– Нет, папа. Сэр!

– Так и выходит. Обвинять отца в том, что он наказывает не по справедливости – это верхушка наглости и неуважения. Ты перешел все границы, сынок.

Ремень опускался снова и снова, снова и снова, пока я не сломался, пока не закричал от пронизывающей, удушливой боли, пока не забежала в комнату мать и не остановила отца. Как правило, она не вмешивалась, когда отец учил меня уму-разуму, но тут она не выдержала и заступилась за меня; испугалась, что отец убьет сына. Оказалось, зря заступалась. Отец и ей задал по пятое число; мама не выходила «в свет» несколько недель, ждала, когда лицо станет прежним,

не опухшим, без синяков и ссадин.

Я пролежал на полу минут пять-десять, прежде чем встал, ощущая слабость в каждой мышце и гулкие удары молоточков в висках. Голову кружило. Я, хромая, доковылял до кровати и уснул беспокойным сном. Меня разбудила мать уже в третьем часу; на обед я не был приглашен, отец запретил, мол, поест вечером, пускай поголодает, подумает о том, что творит.

– Как ты? – спросила она, прикоснувшись холодными ладонями к моей спине, которая горела и пульсировала.

– В порядке. – Что я мог еще ответить? Посмотрев в ее миндалевые глаза, на моих глазах в ту же секунду навернулись слезы, твердость духа рухнула, я стал слабым, беспомощным, ее ребенком, которым мечтал, чтобы его пожалели и приласкали. В тот миг я желал этого всем своим естеством – и она обняла меня, а я закономерно разрыдался. Все, что накопилось во мне, вся чернота, вся злоба, перемешанная с гневом, вырвалась наружу через слезы, очистив меня. Мне в разы стало легче. Легче дышать. Легче жить.

Я был так поглощен собой и своими невзгодами, что сначала и не заметил, что лицо матери тоже изуродовано. На щеке и под правым глазом – синяки; губа – припухла, треснула в двух местах, на лбу – царапины. И снова мое только что очистившееся от черноты сердце начало заполняться злостью на отца, который не имел право бить маму. Меня – пожалуйста, но – не ее. Это не по-мужски. Он сам об этом

говорил. Получалось, что он противоречил собственным же словам, постулатам. Как это было похоже на Нацистов, которые говорили одно, а делали совершенно другое.

Я сжал кулаки. Насупился. Мама заметила перемену на моем лице и сказала:

– Не злись на отца.

– Почему он бьет тебя?

– Это все слишком сложно.

– Когда я вырасту, когда стану таким же сильным, как он, я не дам тебя в обиду.

– Будешь драться с отцом?

– Если...

– Не смей! Пожалуйста, выброси эти мысли из головы. Это в корне неправильно. Он твой отец и ты должен любить его таким, какой он есть. Ты понял меня? – Я молчал, не понимал, почему она его оправдывает. Не понимал, почему она не бросала его все эти годы, что прожила с ним. – Ты понял меня, сын?

– Да, мама, – через себя выдавил я.

– Люблю тебя.

– И я тебя.

– И отец тебя любит... просто не показывает этого.

– Я чувствую его любовь через ремень.

– Перестань ехидничать и дерзить! – Она легонько щелкнула пальцами по моему расплюсченному носу, усыпанному веснушками. – Прости.

– За что ты извиняешься? Ты ведь невиновата. – Я поцеловал ее в щеку. Она пахла душистым хозяйственным мылом и дорогим парфюмом, привезенным отцом из-за рубежа.

– Виновата больше, чем ты думаешь.

***

К вечеру отец неожиданно раздобрел и разрешил мне присутствовать за ужином, который я съел в два счета, дабы проголодался за целый день. После ужина состоялся нравоучительный и нудный разговор о добре и зле; я беспрекословно соглашался с каждым догматом отца – и он знал, что я буду соглашаться; он сломил меня, как ломают необузданную волю собак, глядя ей прямо в глаза. Разговор длился никак не меньше часа, а мне показалось и вовсе часа три-четыре; время остановилось. Настроение отца после таких задушевных разговоров неминуемо улучшалось, поэтому он мог позволить себе выпить чуть больше конька, улыбнуться, пошутить, вспомнив старые, как мир, анекдоты...

В общем, к окончанию ужина отец отпустил меня гулять; честно говоря, я сначала не поверил в серьезность его слов, ему пришлось повторить во второй раз; повторять он не любил, обычно злился и нервничал, а тут даже бровью не повел, провожая меня скупой улыбкой. Я быстро оделся, и хромя выскочил на улицу, пока отец не передумал. Я так торопился, что забыл позвонить Степану, чтобы тот выдвигался из дома, в сторону нашей тайной базы; всю дорогу ругал себя за глупость. Можно было сэкономить кучу времени, которо-

го и так было в сухом остатке; не зря говорят: поспешишь – людей насмешишь.

Когда я пришел к Степану, я порядком выдохся; три километра «с тяжелыми побоями» на теле – кого хошь измотают. Увидев меня на пороге, Степан изрядно удивился, даже для хохмы протер глаза, словно увидел не меня, а призрака.

– И какими судьбами? – спросил он, выйдя полураздетым на улицу, озаренную теплым вечерним солнцем, после чего плюхнулся на скамейку, сколоченную подле белого заборчика, тянувшегося по периметру палисадника.

– Решил тебя удивить. – Я сел рядом со Степаном, у которого было сбито дыхание. Его руки спрятались за рукавицами, к которым прилипла древесная стружка.

– Тебе это удалось в полной мере, товарищ. – Он хохотнул и похлопал меня по плечу. – И чего не позвонил? Встретились бы...

– Я бы позвонил, да вот обстоятельства вынудили меня бежать из дома.

– Снова отец?

– Он самый, – подтвердил я.

– Воспитывал?

– Угу.

– Ремнем?

– Да.

– Плохо. Не повезло тебе.

– Ничего, переживу. Мне, знаешь ли, не в первой. – Я за-

метил на его руке свежую, еще необработанную царапину и спросил. – А это откуда?

– Несчастный случай. – Степан подмигнул мне. – Когда орудовал топором, в руку прилетела острая щепка от полена, что б ее неладную! Переживу. Не первый случай – и не последний.

– Понятно. Гулять-то идешь?

– Придется идти, раз пришел. – Степан встал со скамейки. – Куда рванем?

– К нашему домику.

– А смысл какой? Во сколько тебе домой?

– К девяти.

– А сейчас? Шесть? Семь?

Я взглянул на наручные часы. Без двух минут семь.

– Семь.

– Тогда успеем приколотить пару досок.

– Такой и был расчет, – сумничал я.

– Я мигом. Или зайдешь?

– Нет, спасибо. Я подожду на улице.

Только Степан скрылся за дверью, как вдруг меня окликнул девичий голосок, который я сразу же узнал – голос Светки! Скажу как есть: я не переносил рьяных партийных ребят, не говоря уже о девчонках. Светка была из таких, очень идейных и очень преданных партийцев – я это знал не понаслышке; мы учились в одном классе, и она была нашим старостой, которая при любом удобном случае вкладывала нас

учителям, родителям. От нее ничего нельзя было скрыть, она знала обо всем, что происходило внутри класса, любой даже мелкий проступок попадал в поле ее зрения. Кто-то ее ненавидел, кто-то боялся. Но большинство ее боялись, как огня. Я примкнул к лагерю меньшинства. Почему? Потому что она учила меня жизни, хотя была моей ровесницей, приказывала, что и как делать, разговаривала со мной – и не только со мной – свысока, как с каким-то невежей и неучем. На самом деле, это мелочи. Моя ненависть по отношению к ней укрепилась после одного школьного партийного нац-собранин, на котором она выставила меня не самом в лучшем свете: сообщила (а если нормально выразиться: предательски сдала!), что я читал запрещенную книгу Толстого. Ох, как мне тогда досталось, чуть из школы не вылетел с позором! Сейчас вспоминаю – и по телу дрожь пробегает. Партия целое расследование устроила: где я нашел данное произведение, кто мне посоветовал ее прочитать, знал ли я, что она запрещена в стране, какие выводы я сделал после прочтения и как я считаю, что в ней запрещенного и так далее и тому подобное. И ладно бы только меня, всем досталось, кто был знаком со мной. После допроса партии – состоялся допрос с пристрастием между мной и отцом. Он резонно не поверил, что я случайно нашел книгу на улице и решил прочитать забавы ради – и правильно сделал, так как эта была ложь. Запрещенную книгу мне дал почитать Степан, которая хранилась в их тайной семейной библиотеке, о которой знали они,

да я.

Я не из тех, кто предаёт друзей, для меня лучше соврать; предать – значит, потерять, так говорил мой дед, и я подписываюсь под каждым его словом. Отец так и ничего от меня не добился, сдался после месячного допроса с карательными мероприятиями, которые я каким-то чудом выдержал. А может, я просто знал, что если сдамся, скажу, где раздобыл книгу, случится нечто ужасное и непоправимое? В то время ничего не стоило расстрелять семью за одну запрещённую правительством книгу, хранившуюся в доме, в частной собственности.

– Здравствуй, любитель читать, что не следует, – съязвила она. Я посмотрел на неё таким ненавистным взглядом, от которого она даже вздрогнула. Не исключено, что мне просто показалось. – Не злись. Правда ведь всегда глаза колит.

– Зачем ты ходишь в школьной форме внешкольное время? Нет денег на платье? – спросил я, обратив внимания на её строгие брюки, хорошо отутюженные, чистые, с ровными стрелками; на белую блузку с накрахмаленным воротничком.

– Не твоё дело. – Теперь и она рассердилась; лоб по центру прочертила противная пульсирующая венка.

– Чего тебе?

– Как ты разговариваешь со старостой?

– Мы не в школе, – заметил я.

– И когда ты справишься?

– Ой, Светка, не умничай лучше, переходи к делу. Мне некогда с тобой тут спорить.

– Какой деловой. – Она поправила воротничок и спросила. – Тебе известно, что наш трудовой класс нуждается в ремонте?

– А я тут причем?

– При том. Мне сказали, что ты хорошо белишь стены.

– Кто?

– Неважно. Так умеешь или нет?

– Умею.

– Кто научил?

– Я что на допросе?

– Нет. Но...

– Мама меня научила. Мама! Довольна?

– Почти.

– Что значит твое «почти»?

– Раз ты умеешь белить стены, пора тебе сделать что-то полезное для общества.

– Ну начинается.

– Отказываешься?

– А что если откажусь?

– Ты знаешь, что будет.

– Вот влип же! – Я взялся руками за голову и, не дожидаясь, когда она начнет говорить, спросил. – Когда прикажешь белить?

– Вот, другое дело, – обрадовалась Светка. – Приходи в

эту субботу, в восемь утра.

– А кто еще будет?

– Я и моя подруга.

– Да уж, обрадовала. А вы чем будете заниматься?

– Ты белишь, мы – красим. – Света ухмыльнулась. – Не забудь.

– Не забуду.

– Я на тебя рассчитываю.

Тайным штабом мы называли небольшой участок лесного массива, разросшегося на окраине города, за спортивным стадионом «Темп»; на дорогу в штаб мы тратили порядка десяти минут. Как и положено, в штабе имелся командный пункт – могучий многовековой вяз, на котором мы построили домик, сколоченный из старых досок и других подсобных, по сути, ненужных материалов. Не сказать, что наш домик был аккуратно сколоченным, красивым, но и уродцем его назвать – язык не поворачивался; мы по праву гордились им и любили в нем проводить все свободное время. Что мы только там не делали, вспомнишь – и душа уходит в пляс; воспоминания – неотъемлемая часть нашей жизни, а воспоминания, связанные с домиком на дереве, пожалуй, самые дорогие для моего сердца. Я помню, как мы играли в карты на деньги и матерились похуже мужиков с заводов, чтобы доказать окружающим и, прежде всего, себе, что мы уже взрослые и можем говорить то, что вздумается. Помню, как изо дня в день мы трудились в нем, чтобы сделать его луч-

ше, украсить наш маленький мир, заключенный в домике на дереве; на пол расстелили старый ковер, несколько лет пылившейся в моей комнате за дверью; стены занавесили плакатами актерами кино и большим флагом национал-социалистической партии (на черном фоне красный треугольник, занимавший одну треть флага, в центре треугольника свастика белого цвета); собственноручно сколотили стол и две скамейки, потом обили их кожзаменителем, в который напихали поролона. Степан принес из дома радиоприемник, работающий на батарейках и кучу журналов о машинах и о военной технике. Я в свою очередь приволок дедушкин термос, инструменты, пригодные для ремонта, и весьма пикантную подборку эротических фотографий, вырезанных из разных газет и вклеенных в секретную тетрадь. Данная тетрадь пользовалась таким спросом, что уже через месяц изрядно потрепалась: мне приходилось частенько ее склеивать скотчем. Помню наши бесконечные разговоры, соседствующие со спорами на самые разные темы – от коллекционирования марок до такой щекотливой темы, как выбор самой красивой девочки в нашей школе – в компании сигарет и запрещенного спиртного, которые будоражили чувства и дурманили голову. Помню, как планировали наше будущее, каждый мечтая добиться поставленных целей: Степан мечтал о трех вещах – о титуле чемпиона мира по боксу, о новеньком сплошь хромированном «Форде» и о том, чтобы в конце каждого учебного года в его дневнике были выставлены

оценки, удовлетворяющие его потребностям (он не был отличником в отличие от меня, поэтому оценка «хорошо» его полностью устраивала); мои мечты были скромнее – окончить школу с золотой медалью, поступить в Институт Космонавтики и слетать в космос, чтобы увидеть Землю из недр необъятной Галактики, из черной пропасти, опутанной мириадами звезд.

В тот день мы пришли в штаб не дурака валять, а заметить сгнившие доски на крыше; мы боялись, что однажды вода доберется до радиоприемника, который, если честно, и так барахлил, и лишит нас такой радости, как музыка, которую всегда включали погромче, когда играли или что-нибудь мастерили от нечего делать. У нас было не так много времени, поэтому мы работали без перерывов, без лишних разговоров, которые обычно отвлекали. Под финиш, когда стрелки часов перешагнули за полдевятого, я был весь мокрый от пота, в руках скопилась приятная усталость. Степан, физически выносливее меня, был бодрым и веселым; глядя на него можно было подумать, что он и не работал вовсе.

– Устал что ли? – спросил он и сел за стол, на котором стояли открытая бутылка газировки и тарелка с печеньями.

– Есть такое, – признался я и присосался к сладкой и шипучей газировки. Утолив жажду, я с облегчением выдохнул. – Вот теперь хорошо.

– После газировки – жизнь хороша. – Степан последовал моему примеру. – А вот после шоколадного печенья – и во-

все сказка.

Съев тарелку печенья, мы, удовлетворенные и довольные жизнью, тяжело поднялись из-за стола и решили двинуться в путь, домой, пока предательские стрелки часов не перевалили за девять часов вечера.

– Ничего не забыл? – спросил я у Степана, который рыскал глазами по домику.

– Зажигалку потерял. – Степка начал проверять карманы, в которых завалились фантики от сосательных конфет, звякающая мелочь и пара напальчников, из которых мы делали весьма эффективные рогатки. – Черт! Видимо, выронил, когда ремонтировал крышу.

– Значит, далеко не убежала. – Я позволил себя улыбнуться, Степан еще больше разозлился. Я понимал его: после сытного перекуса – милое дело закурить пахучую папироску, а без зажигалки ну никак не закурить.

– Нашел когда прикалываться. Наше удовольствие под угрозой срыва, черт побери!

– Ломает, да? – Степан уже скалился; а когда он скалился, выглядел он как минимум смешно и нелепо. – Ладно, ладно, молчу. Я спущусь вниз и посмотрю там.

– Давно пора!

Не буду тянуть, зажигалка нашлась, лежала себе спокойно в траве подле могучего вяза. Мы закурили, не задумываясь о том, что будет, если нас поймают за этим запретным делом. Зачем думать о будущем, когда так хорошо сейчас, в эту ми-

нуту, когда затягиваешь в легкие дурмящий голову никотин и выпускаешь его на волю, облачка едкого дыма, поднимающего вверх и растворяющего в лесной тишине, окованной вечерним небом, которое замерло, на мгновение уснуло, став вечностью.

– Замечательно, – заметил Степан и затаился. Мы сидели прямо на земле, поросшей свежей травой, прислонившись к необъятному стволу дерева – и смотрели на небо, на застывшие островки кучевых облаков.

– Ага, – согласился я.

– Я заметил, что ты сегодня хромаешь. И руки в синяках. С кем подрался? Давай, выкладывай.

– Я же говорил, отец постарался.

– Отец? – Степан, обескураженный и взволнованный, на секунду задумался, а потом спросил. – Ты же сказал, что он воспитывал тебя ремнем?

– И ремнем, и кулаками.

– И чего ты такого натворил, что он бил тебя кулаками?

– Если бы я знал. – Не хотел обсуждать болезную тему со Степаном, но слова сами просились наружу. – Я выронил книгу из рук и разбудил отца.

– И все? Из-за этого он тебя избил?

– Не то, чтобы избил... так, пару раз ударил по спине и ногам.

– Ничего себе пару раз. Да у тебя все руки в синяках!

– Я надеялся, что ты не заметишь. – Я затушил папироску

и сковано улыбнулся другу, который искренне беспокоился обо мне. – На самом деле он разозлился не из-за того, что я разбудил его. Я не согласился с его вердиктом. Вот, он и разозлился. Видите ли, он не может ошибаться.

– Каждый может ошибиться, – подметил Степан.

– Только не мой отец. Только не он. Он в этом убежден и других убедил. Обычно я с ним не спорю, но тут не сдержался. Что-то во мне брякнуло, что-то неведомое что ли. Не знаю, как объяснить. Сначала сказал, а потом пожалел.

– Больно было?

– Терпимо, – соврал я. И спросил. – Тебя что, отец не бил?

– Нет, ни разу.

– Ничего себе! – Честно говоря, я был поражен и удивлен, что Степана ни разу не наказывали даже ремнем; для меня это было все равно, что летом пойдет снег, а зимой зарядит ливень!

– Мои родители как бы против этого... против насилия над детьми. Воспитывают так, без ремня.

– Да ты счастливчик, Степка. Завидую тебе.

– Ну...

– А если ты опоздаешь сегодня, скажем на два часа, что сделают с тобой родители?

– Поругают немного. Скорее всего, накажут: домашний арест на неделю. Или еще чего придумают.

– Вот здорово! Не жизнь, а малина у тебя.

– А тебе что сделаю, если ты опоздаешь на пару часов?

– За пару часов... я даже боюсь представить, отец точно меня убьет. А вот за пять минут опоздания обойдусь несколькими ударами ремнем по спине.

Степан с волнением взглянул на ручные часы – без двадцати минут девятого – и сказал:

– Если ты хочешь, чтобы тебе влетело, можешь еще посидеть минут десять, а я, пожалуй, пойду.

– Нет уж, товарищ, я пойду с тобой. На сегодня мне хватила отцовского ремня.

***

В тот майский вечер мне не суждено было вовремя придти домой, но каким-то чудом удалось избежать наказания; меня спас коньяк, который убаюкал отца задолго до моего прихода – и мама, которая благоразумно промолчала, что я немногo задержался после вечерней прогулки (я опоздал ровно на сорок четыре минуты – чудовищное преступление). Причина моего опоздания вам, наверное, ясна как день, сколько бы я сейчас не играл в «темную».

Мы впервые увидели «Дитя тьмы».

– Что там? – спросил у меня Степан и показал пальцем на соседний вяз.

– Ничего, – ответил я, пожав плечами. Я действительно ничего и никого не видел, кроме одинокого дерева, раскинувшего свою богатую и пышную крону. – А что там должно быть?

– Не знаю. – Степан задумался, не отрывая взгляда от старого вяза. – Что-то.

– Пойдем. Поди-ка показалось?

– Ничего мне не показалось. – Он медленно зашагал к дереву, нацепив на себя серьезную маску; я последовал за ним.

– Ты прикалываешься, Степ?

– Тише! – прошипел он, остановился и показал пальцем на черное вороново крыло огромных размеров, которое торчало из-за дерева. – Видишь?

– Да, – шепнул я, не веря собственным глазам; крыло в человеческий рост – производило впечатление и в тоже время пугало, до дрожи, до гулко-го сердцебиения в ушах. – Что это?

Мы посмотрели друг на друга, и каждый заметил в дру-жеских глазах холодный страх перед неизвестным; мы не знали, что делать дальше: то ли бежать со всех ног, то ли подойти дереву и узнать, что под ним скрывалось, спряталось. Кто из нас сделал первый шаг, я не могу сказать – возможно, мы одновременно шагнули в сторону вяза – но то, что после этого случилось: я помню отчетливо. Из-за дерева выбежало двуногое существо с крыльями во весь рост (а рост существа был никак не меньше нашего), обличенное в грязные лохмотья, поверх которых был накинут черный изодранный плащ; лицо существа мы не смогли рассмотреть, так как его скрывала черная сажа и грязь. Оно побежало в сторону дерево-перерабатывающей фабрики.

– За ним! – скомандовал Степка и рванул за существо, которому мы на следующей день дали кличку – «Дитя тьмы». Согласитесь, звучит жутковато?

– Думаешь, это хорошая идея?

Я не столько сомневался, сколько боялся; но страх пришлось перебарывать, быть в глазах друга – трусом; поэтому я побежал за Степаном, всем сердцем чувствуя, что эта плохая идея и ничем хорошим она не закончится. Я почему-то решил, что существо специально заманивает нас в капкан, чтобы растерзать на кусочки, а потом съесть; у меня и в мыслях не было иного варианта.

Погоня затянулась; мы бежали и бежали, все дальше и дальше углубляясь в чащу леса. Когда у меня закололо в правом боку, я сдался и остановился, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

– Я больше не могу бежать, – крикнул я Степану, который не остановился.

– А я могу!

– Черт возьми! – выругался я и нашел в себе силы для очередного марш-броска, который, к счастью, закончился, не успев начаться. Только я нагнал Степана, как тот остановился, грохнулся на землю и тяжело задышал. – Что выдохся, дохляк?

– Если бы. Я потерял его.

– Как так?

– Вот так! Раз – и он исчез, словно сквозь землю прова-

лился, ядрена кочержка!

– Может, он воспользовался крыльями? – предположил я и присел на корточки.

– Почему сразу ими не воспользоваться? И... я бы увидел, как бы он взлетел в небо! А тут – бац! – и нет его!

– Ну да.

– Что же это за существо-то такое? – Это скорее был риторический вопрос. Степан не ждал, что я отвечу.

– Точно не человек. Какой-то инопланетянин.

– Вот уж не думал, что они существуют.

– Походу существуют.

– Охренеть можно!

После данного высказывания Степан закурил две сигареты: одну оставил у себя во рту, другую – протянул мне. Я заметил, что у нас у обоих тряслись руки.

– Думаешь, оно опасно? – спросил я, не выпуская из-за рта дымящую сигарету.

– Если бы оно было опасно, то вряд ли бы испугалось нас.

– Ага.

Мы нервно хохотнули, и я посмотрел на часы; пришлось сматернуться и снова бежать, только уже домой, навстречу грозному отцу, который был пострашней любых монстров и инопланетян.

Прежде чем разойтись домой, мы договорились, что о случившемся никому не слова; эта стала нашей тайной – и только нашей.

Глава 4

«Дитя тьмы» не давало о себе знать до начала лета; все наши поиски в лесных дебрях не принесли результатов, лишь огорчили. Ближе к концу мая мы и вовсе потеряли надежду на дружбу с неземным существом.

Если в первые дни после случившегося, мы только и говорили о нем, словно больше не было тем для разговора, то всего через неделю мы и не вспоминали о двуногом крылатом существе, перепачканном в саже и грязи; наши умы заполнили другие проблемы и заботы, являющие неотъемлемой частью жизни. А забот было выше крыши, особенно у меня: закончить учебный год с отличием (а это было не так просто, так как я по глупости в марте-апреле нахватал ненужных четверок), побелить трудовой класс и сдать нормативы в секции легкой атлетики. Это я умолчал еще об одной заботе, если конечно ее можно назвать заботой.

Надо же было так угораздить – по уши влюбиться! – под конец учебного года, когда ставки так высоки и любая ошибка может стать роковой. Но я каким-то чудом справился с непосильной задачей и таки закрыл учебный год, как планировал, хотя это стоило больших сил, огромного труда: от влюбленности у меня в буквальном смысле плавилась мозги, я думал только о ней. Вам знакомо такое чувство, когда от одного взгляда возлюбленной/возлюбленного, у вас перехва-

тывает дыхание, сердце бьется учащенной, а внутри, в душе, распускается цветок счастья и вы улыбаетесь – не обязательно улыбаться в открытую! – всему миру, который в одночасье превращается в сказочный и волшебный? Если знакомо, то вы обязательно поймете, что чувствовал я, когда видел ее зеленые глаза.

Но это еще что, так, цветочки! Я не спал ночами, все думал о том, как пойду с ней на свидание, как покорю ее своим обаянием и хорошим чувством юмора, как мы поцелуемся в свете вечернего заходящего солнца, как обнимемся и больше никогда не расстанемся, на веки будем вместе; я часто представлял, что во время нашей прогулки, свидания, я спасу ее от грабителей и стану в ее глазах – героем, способным на любой подвиг ради нее. Даже когда на землю ложились утренние лучи солнца, я продолжал думать о ней – с ума сходить. Изменил маршрут до школы, стал проходить мимо ее дома, в надежде встретиться с ней (я подолгу мог стоять напротив ее окон и ждать, когда появится силуэт моей возлюбленной – и этого было достаточно, чтобы стать счастливым). В школе, на переменах, я обитал там, где обитала она – это был пролет второго этажа; каждую перемену я ждал с нетерпением, с приятным томлением: я мог любоваться на нее бесконечно. Гулял там, где она могла появиться и озарить мой мир. Были мысли записаться на дополнительные уроки вокала, которые посещала она по вторникам и четвергам, но решил, что это уже перебор.

Вы спросите, где я встретил свою возлюбленную? Вы не поверите, если я скажу, что когда белил трудовой класс; я и сам не верю, что так бывает. Приходит, значит, мой враг, вы поняли о ком я, о той самой стервочке, которая сдала меня и обрушила на меня кучу бед, и приводит с собой подругу из параллельного класса, Настю Емельянову, которую я раньше почему-то не замечал, словно она и не училась в нашей школе. И вот они заходят в класс, а я этим временем погружен в работу, они кличут меня; я вздрагиваю; и смотрю на них, злобно, без намека на любовь; Светка закономерно фыркает и махает рукой, а Насте мне улыбается – мои глаза слепит яркая вспышка, после которой я становлюсь другим. После вспышки, после ее улыбки, я уже влюблен – в первый раз в жизни. Влюблен в ее длинные, прямые волосы цвета золотистой пшеницы; в ее пышную челку, закрывающую прыщавый лоб; в ее большие изумрудовые глаза, полные жизни и цвета; в ее родинки на полных щечках, на которых появлялись ямочки, когда она улыбалась скромной, добродушной улыбкой, способной покорить любого мальчишку.

О моей «влюбленной» проблеме знал лишь один человек – Степан. Я и не пытался скрывать от него мою маленькую проблему; знал, что это бессмысленно, дабы надо было быть незрячим, чтобы не заметить очевидного: я влюблен – и точка. Поэтому выложил ему все на следующий день после «вспышки», как говорится, начистоту.

– Кажется, я влюбился, – так и объявил я Степану, когда

мы бродили по лесу в поисках «Дитя тьмы», которого и след простыл.

– Чего? – Конечно, Степан удивился. – Влюбился?

– Ага.

– Че это ты вдруг?

– Весна голову вскружила.

– Н-да, дела. – Он задумался, прежде чем спросить. – И в кого это интересно?

– В Настю, из «Б» класса.

– Емельянову что ли?

– В нее самую, – сказал я и широко улыбнулся, как чеширский кот из причудливой страны Кэрролла.

– Она же уродина!

– Ничего она не уродина! – возразил я. Честно говоря, я разозлился на Степана за то, что он так плохо отозвался о моей возлюбленной. Я еще толком не общался с ней, но уже готов был ее защищать.

– Ладно, не кипятись, не уродина она. Не уродина. – Степан по-дружески хлопнул меня по плечу. – И что ты будешь с ней делать?

– С Настей?

– Не с Настей, идиот! С влюбленностью!

– Не знаю, я первый раз влюбился.

– Хреново, – глубокомысленно заметил Степан и смолк.

– А ты знаешь, что с ней делать?

– Я? Да откуда? Я еще ни разу не влюблялся в девчонок –

и не дай Бог! Все они пришибленные на всю голову и только могут верещать и рыдать. Нет уж, извольте!

– Я тоже так думал, пока не встретил ее... и не влюбился.

– Что ты нашел в ней такого?

– Не знаю... что-то....

– Что-то?

– Я не могу объяснить. Это надо самому испытать, чтобы понять.

– Что-то. Что-то. – Степан засмеялся. – Ну ты и сказал. Что-то он там в ней нашел. Что-то. Ха!

– Тебе смешно, а я думаю сейчас только о ней.

– Сочувствую, дружище.

***

Знаете, что бывает с такими, как я, обалдуями, сгорающими от любви до того, как заговорят со своими воздыхательницами, богинями, ангелами? Обычно их ждет разочарование, причем разочарование такое ошеломительное, что в этот же миг их неземная и вечная любовь лопается, как большой мыльный пузырь. А все потому, что когда влюбляешься в незнакомку, с которой даже не разговаривал, ты начинаешь фантазировать, представлять, что она такая и такая, просто неземная, а потом – бац! словно обухом по голове! – ты удостаиваешься чести поговорить с ней и понимаешь, что она далеко не такая и вовсе неземная. Я не зря написал, что обычно происходит то-то и то-то, но, как в любом правиле, есть свои исключения...

Разговор состоялся на пятый день побелки трудового класса, когда нашего бригадира, Светку, вызвала к себе завуч по какому-то срочному и неотложному делу; она дала нам задание (ЦУ!) и сказала, что когда придет с совещания, все должно быть готово. Помню, чтобы разозлить Светку я принял постройку смиренно, отдал честь и крикнул: «Сделаем, сэр!». Кстати, у меня это получилось, дабы она пригрозила мне кулаком и ворчливо вышла из класса. Но это что, так мелочи; разозлить Светку проще простого, а вот рассмешить Настю потяжелее будет. Я вообще удивился, когда она хихикнула от моего кривляния и рискнул посмотреть на нее – и снова растворился в ней, в ее больших глазах, в зеленых как россыпь изумрудов, переливающихся всеми оттенками зеленого в свете дневного солнца. Она улыбнулась мне и продолжила покраску стен. Я, наверное, так и стоял бы, озаренный ее красотой, ее милой улыбкой, если бы не заиграл Гимн страны из радиоприемников, которые были установлены в каждом классе, чтобы каждый день, ровно в восемь утра, освещать нас об успехах нацистской армии, стойчески защищающей нашу страну от агрессоров.

Романдия, Романдия превыше всего

Превыше Мира сего!

И чтобы она была для нас защитой и опорой

Всегда нужно братски держаться до смерти окопной!

От Москаля до Уралга

От Владика до Архангела

Романдия, Романдия превыше всего

Превыше Мира сего!

Единство, и права, и свобода

Для романдской отчизны

Давай стремиться к этому братцы,

Всем сердцем и рукой, во имя отчизны!

Каждый ученик знал Гимн страны наизусть; не знать Гимн было позорно, преступно и грешно. Я знал одного чудика, который во время исполнения гимна пропел: «единство, и права, и любовь». Это был скандал! Вся школа гудела, от учеников до учителей; дошло до того, что его исключили из школы, а родителям настоятельно рекомендовали покинуть город, если они не хотят огласки по всей стране за такое отвратительное воспитания ребенка. Родители чудака не стали возражать и на следующий же день собрали вещички и укатали в другой город; жизнь всегда предпочтительнее, ведь за этот проступок могли со спокойной душой расстрелять, всю семью, за анти националистическую пропаганду.

Но я отвлекся. Как бы мне не хотелось признаваться в этом, но куда мне собственно деваться: разговаривать она начала со мной, а не я – с ней; у меня не хватила духа на такой подвиг, робость со смущение взяли надо мной вверх, превратили меня в своего покорного раба.

– Мне вот интересно. – Она сделала короткую паузу, наблюдая за мной; в тот миг я был похож на каменную статую, застывшую и намертво приросшую к земле. – Почему вы так

друг друга недолюбливаете?

– И... – Я не мог проронить и слово, так как был застигнут врасплох, жутко разволновался. Я не верил, что она говорит со мной. Не верил! Вот насколько я был уверен, что этого никогда не случится; что моя любовь будет молчаливой, почти не немой.

– Не хочешь разговаривать?

– Нет, нет, хочу.

– А что тогда молчишь как рыба?

– Я задумался над твоим вопросом. – Когда она отвернулась от меня и принялась за работу, меня немного отпустило, в легкие проник воздух, и я свободно вздохнул.

– И что скажешь?

– Неприязнь к Светке у меня после ее предательства.

– Это когда она сдала тебя во время чтения запрещенной книги?

– А ты откуда знаешь?

– Ты видимо забыл, что я учусь в этой же школе, что и ты. Я хорошо помню те собрания. Тебе тогда здорово досталось.

– Да. И все из-за нее! – Я разозлился, вспомнив о недавних событиях. – Если бы не мой отец, не его авторитет, то меня выгнали бы из школы и отправили в трудовой лагерь на север страны.

– Но не выгнали же.

– Нет. Но...

– И не отправили в трудовой лагерь.

– Нет. К чему ты это?

– К тому, что ничего страшного и не произошло. Пустячок!

– Пустячок? – Я кипел и почти возненавидел свою возлюбленную. – Да меня отец чуть не убил.

– Не убил же.

– Что-то ты заладила? Не убил же, не отправили же, не выгнали же...

– А ты чего разозлился?

– Я не...

Воцарилось минутное молчание.

– Зря ты над Светкой потешаешься. Да она немного заносчива, порой высокомерничает, да и командирша еще та...

– Вот именно! – перебил Настю я.

– Но ко всему этому она сверх меры дисциплинированная, ответственная и равнодушная. Поэтому она не могла не сказать завучу, что ты читал запрещенную книжку. Не могла. Испугалась за тебя.

– За меня? Ты смеешься надо мной?

– Я не смеюсь, и не собиралась смеяться. Она испугалась за тебя, она сама мне так сказала. Подумала, что запрещенные книги испортят тебя, и ты не окончишь школу с золотой медалью. И сказала завучу, Наталье Ивановне. Дальше закрутилось, понеслось. Она сама не ожидала, что так все обернется против тебя, что учителя и комитет по делам молодежи поднимут такую шумиху. Ты слышишь меня, она не

хотела? Можешь мне не верить, но то что я сказала – правда. Думаешь, почему ты здесь?

– Потому что я умею белить.

– Каждый второй мальчишка умеет белить стены, а она выбрала именно тебя. Почему? – Я пожал плечами. – Она хотела поговорить с тобой. Может, извиниться хотела.

– Не может быть.

Честно говоря, я не ожидал такого поворота событий; никак не ожидал; отчего опешил и задумался: мне надо было осмыслить только что сказанное Настей. Еще минуту назад я думал, что Светка назло рассказала учителям о моем тайном увлечении, чтобы меня выгнали из школы, а сейчас я узнаю, что она выдала меня из хороших побуждений, чтобы я не забивал голову лишними запретными мыслями и продолжал учиться на «пятерки». И оснований не верить Насте у меня не было. Зачем ей врать? Какой мотив?

– И вообще... ты сам виноват, – вдруг сказала Настя, посмотрев в окно, выходявшее на школьный сквер, залитый солнцем и сплошь покрытый зеленью. – Какой шмель ужалил тебя? Зачем было читать ТАКУЮ книгу там, где тебя могли поймать – и поймали!

– Люблю читать в сквере, на свежем воздухе.

– На свежем воздухе надо читать партийную литературу. На худой конец – военную. А дома, закрывшись в комнате, читать то, что запрещено читать.

– А ты случаем...

– Ничего я тебе не скажу..

– Почему?

– Ты так и не понял? – Она перешла на шепот. – Если что-то делаешь плохое, то делай так, чтобы тебя не уличили в этом. Таков закон.

– И часто ты делаешь плохое?

– Так я тебе и сказала. – Настя позвала меня к себе. Я подошел к ней, она нагнулась к моему уху и сказала. – Я расскажу, но только в том месте, где никто нас не услышит. Есть у тебя такое место?

– Да, – сразу же ответил я, подумав о домике на дереве. Там нас точно никто не услышит, ну разве что... инопланетянин, но он вряд ли побежит докладывать партии.

– Хорошо. – Настя снова озарила меня своей добрейшей улыбкой. – Ты иди, бели, а то скоро придет Света и будет ругаться.

– Уже пошел.

– Саша?

– Да?

– Если ты хочешь со мной дружить, ты должен подружиться со Светой, потому что она моя лучшая подруга.

– Я попробую.

– Попробуй.

***

С Настей мы решили встретиться на площади «Триумфа», в центре которого был установлен постамент со скульпп-

турой Силина, указывающего рукой на восток, на восход солнца, на восход Великой Романдии. Стояла хорошая суббота: солнце главенствовало на лазурном небе, лишенном островных облаков. На площади, уже по устоявшейся традиции, столпились люди и слушали патриотические речи Силина, голос которого разносился из громкоговорителей; пришедшие сюда люди, обычные трудяги и рабочие с фабрик, соглашались с каждым словом Главкомандующего. Честно говоря, я особо не вслушивался в речи Силина, меня в ту минуту волновали более приземистые дела: придет ли Настя и что делать, если она не придет? Я зря волновался, Настя пришла и даже без этой девичьей привычки опаздывать; пришла – и в очередной раз покорила меня: летнее платье до колен с широкой драпированной юбкой и два белых банта на голове – такое вряд ли позабудешь (я и не забыл, хотя прошло ужасно много времени с того дня).

– Привет, – поздоровалась Настя и улыбнулась мне.

– Привет. – Я засмутился; по телу бегала дрожь.

– Ты чего-то сегодня бледный? Не заболел?

«Я болен тобой!» – чуть не вырвалось у меня.

– Нет.

– Понятно. А я представляешь, еле-еле отделалась от Светы. Думала, что уже опоздаю.

– Что ей было нужно от тебя?

– Она не хотела отпускать меня одну.

– Почему?

– Бойтся, что ты меня украдешь или еще чего неблагоразумное сделаешь.

– Она что, совсем с дуба рухнула?

Настя рассмеялась, глядя на меня, на мое возмущенное и рассерженное лицо.

– Ниоткуда она не падала. – Она пыталась заглушить смех. – Она переживает за меня. Все просто.

– Нашла из-за чего переживать. Разве по мне видно, что я «того», со съехавшими шестеренками в голове?

– А ты смешной. – Настя посмотрела на толпу людей; они захлопали в ладоши. – Может, пойдем уже. Не нравится мне это место, люди здесь точно с ума сходят.

– Пойдем. Хочешь мороженое?

– Не отказалась бы.

По пути к домику на дереве я купил два шоколадных пломбира в вафельных стаканчиках. Пока мы неспешно шли и наслаждались сладким мороженым, Настя рассказала мне, что никак не может исправить оценку по геометрии; я согласился ей помочь.

– Разбираешься в геометрии?

– Немного. – Не любил хвастаться. – Люблю решать задачки.

– Ооо, а я ненавижу ее! И каким образом ты поможешь мне?

– Объясню то, что тебе непонятно, потом займемся решением задач.

– Было бы отлично. А у тебя разве нет других дел?

– Есть.

– Вот видишь!

– Но дела ведь могут подождать.

– Нет, нет. Я не хочу обременять тебя своими проблемами. Я уж как-нибудь сама справлюсь.

– Друзья должны друг друга выручать.

– Это точно, – согласилась Настя и снова подарила мне улыбку. А что еще нужно влюбленному мальчишке?

Настя пришла в неопиcуемый восторг от домика на дереве; ее глаза светились ярче полуночных звезд на небе. Пока она с неприкрытым любопытством и восхищением осматривала каждый уголок домика, я вкратце поведал ей о том, как мы со Степаном строили его и что планировали переделать и доработать этим летом.

– И чем вы обычно здесь занимаетесь? – спросила она, бросив свой взгляд на пустую пепельницу.

– Всем понемногу. Играем в карты, в «города», читаем книги, журналы. Но обычно общаемся. Это как бы наш штаб.

– Тайный?

– Да, тайный штаб, в котором мы можем делать то, что захочется.

– Здорово! – Настя взяла конфетку, лежавшую на столе, и положила ее в рот. – Я даже завидую вам, ребята, что у вас есть такое место, в котором можно спрятаться ото всех.

– Ага. – Не думал, что девчонки моего возраста так похо-

жи на нас, мальчишек. Ошибочно полагал, что им бы только о прическах думать, да и о кофточках.

– Я тогда не понимаю. У тебя есть секретный штаб... этот прекрасный домик... а ты читаешь запрещенную книгу в общественном месте, где каждый второй может тебя поймать. Это ведь то же самое, что украсть какую-нибудь вещь и вернуться на место преступления с ней же. Ты, по всей видимости, хотел, чтобы тебя поймали.

– Зачем мне не это?

– Не знаю, тебе виднее. Может, ты сделал так на вред отцу?

– У меня и в мыслях такого не было. И откуда ты знаешь о моем отце?

– Ты опять забыл, что мы учимся в одной школе? Я была на том собрании, когда твой отец, офицер ЦЦ, одетый в военную форму, извинялся перед учителями и учениками за твое отвратительное поведение.

– Он сказал так: «Прошу извинить моего сына за недопустимое в обществе поведение, которое подрывает основы национализма. Он опозорил свою семью, верную партии, верную национализму, верную Силину».

– Тогда я все поняла, – сказала Настя и съела вторую конфету.

– Что ты поняла? – поинтересовался я, удобно усевший на скамью, сделанную собственными руками. В домик проникли шелест листьев, пение дроздов и сойки-пересмешницы.

– Ты читал запрещенную книгу назло всем. Назло семье, назло ученикам и учителям, назло партии, которые осудили тебя.

Я никогда не задумывался, что побудило меня пойти в воскресный солнечный день в литературный сквер, как сказала Настя, в общественное место, с книгой в руках, с книгой, которая была запрещена почти во всем мире, открыть ее и наслаждаться запретным чтением, прекрасно понимая, что меня поймают – обязательно поймают. После ее объяснений незаконченная мозаика вдруг собралась; и картина стала единой: я пошел против системы, против партии, действующей не совсем честно по отношению к людям. Это откровение так поразило меня, что я некоторое время не мог придти в себя, нормально связать пару слов; я не верил, что такой маленький человек, как я, был способен на вполне взрослый поступок; не верил, что девчонка, сидевшая напротив меня, смогла объяснить мне, зачем я сделал то, что сделал.

– Как ты догадалась? – спросил я, восхищаясь не только ее красотой, но и умом.

– Ну... все само собой получилось. Главное правильно сделать выводы. Можно я еще сворую конфетку?

– Конечно, бери. У нас где-то еще припрятан целый мешок.

– Спасибо. Обожаю конфеты.

– Сладкоежка?

– Ох, еще какая!

– Мой друг тоже любит конфеты, поэтому приходится их прятать.

– Мы такие, конфеты только так пожираем. – Настя захихикала, а потом спросила на полном серьезе. – Так какую книгу ты прочитал?

– Ты не знаешь?

– Нет. Ни один ученик в школе не знает.

– «Тайные миры».

– Классная книга.

– Ты читала?

– А как же.

– И как тебе книга? – поинтересовался я, изрядно удивленный.

– Моя одна из самых любимых. Читала ее, если не соврать, раз пять-шесть.

– Ничего себе! – изумился я. – Мне до тебя далековато, я прочитал «Тайные миры» всего один раз, а потом вернул книгу.

– А говорил, что нашел ее на улице...

– Но не говорить же, что я взял ее у друга – это предательство.

– Ну да. – Настя покивала головой и посмотрела на меня с одобрением и в то же время с восхищением (или мне это показалось?). И спросила. – Ты когда читал «Тайные миры» нашел там чего запрещенного?

– Нет.

– И я. – Она задумалась, утонув в воспоминаниях. – Я решила поинтересоваться у папы, почему она запрещена. Что в ней такого «не такого». Когда он ответил, я даже не поверила. Ну не поверила я, что из-за этого можно запрещать хорошие и интересные книги.

– Из-за чего? – Мне не терпелось узнать правду.

– Потому что автор книги не славянской национальности.

– И все? – Признаюсь, моему разочарованию не было предела; я даже позволил себе одну маленькую вольность: покрутил пальцем у виска и сказал, что они все придурки, которые ни черта не понимают в классных книгах.

– Я точно такого же мнения, – согласилась со мной Настя, и мы улыбнулись друг другу; отчего возникло смущение, которое Настя с легкостью прогнала прочь, задав мне очередной вопрос. – Что еще читал запретного?

– Ух! Много чего! Люблю почитать.

– Я тоже.

Мы долго болтали о книгах, буквально не могли остановиться, насытаться; всегда здорово поболтать с человеком, который страстно увлечен тем же хобби, что и ты. Настя, по моему скромному мнению, была еще большей ценительницей книг, чем я; она могла за одни лишь выходные осилить четырехстраничный взрослый роман, что для меня было равносильно подвигу; мне банально не хватало терпения, чтобы сидеть за книгой целый день, какой бы она не была интересной и увлекательной. Она читала книги не только дома, но и

в школе, на переменах, в библиотеке после занятий, в троллейбусе, на улице; в общем, когда была свободная минутка.

– Если захочешь почитать «Крохотного принца» или «Борис и мармеладная фабрика». Или еще какую-нибудь книжку – обращайся. Выручу, – с улыбкой на лице сказала Настя.

– Я с радостью. Не боишься давать мне такие книги?

– Нет. Тебе можно доверять.

– А если твой папа узнает?

– Он и так узнает.

– Думаешь, он разрешит...

– Он не будет против. Я знаю.

– Не боится хранить запрещенные книги? Я вот был у Степки...

– Он хорошо их прячет.

– А как ему спится по ночам?

– В каком смысле?

– Ну, столько книг... это же с ума сойдешь, зная, что ты преступник...

– Он не преступник!

– Прости, я не так сказал. И...

– Ничего. Я поняла. – Она снова просияла в улыбке, и я успокоился. – Он считает, что хранить дома подлинные шедевры мировой литературы – никакое не преступление и никогда таковым не будет.

– Но все, ну люди и партия, говорят об обратном.

– Отец считает, что партия и люди, слушающие партию,

ошибаются.

Я не успел ответить, так как в домик ворвался взволнованный и ошарашенный Степан, который нас изрядно напугал; Настя вздрогнула от неожиданности.

– Не хотел вас отвлекать, но тут срочное дело, которое не терпит отлагательств.

– Какое? – спросил я.

– Можно тебя на секундочку?

– Ага. – Я обратился к Насте. – Я сейчас.

– Может, мне уйти?

– Нет, нет.

Мы спустились с дерева, и Степан протараторил мне на ухо, что знает, где обитает «Дитя тьмы».

– Что?!

– Что слышал!

– Ты серьезно?

– На полном серьезе, приятель.

– Вот черт...

– И я об этом же. Так ты идешь?

– Куда?

– Куда, куда! Смотреть, где он живет, пока он никуда не смылся!

– Я... не знаю,... а как же Настя?

– Скажи, чтобы домой шла!

– Мне надо проводить ее до дома.

– Ну, начинается, – фыркнул Степан, – потом скажешь,

что тебе некогда со мной гулять.

– Ничего подобного, – возразил я.

Степан задумался, зачесал подбородок.

– Ей можно доверять? – вдруг спросил он.

– Думаю, да.

– Точно?

– Да. Она читала «Тайные миры».

– Ну, это меняет дело – пускай с нами идет!

– Уверен?

– Неа, не уверен. Как-то не хочется, если вся школа узнает о нашей тайне.

– Я не из болтливых, – сказала Настя, выглянув из домика. – Простите, ребята, я не хотела вас подслушивать. Но вы так громко спорили...

***

– Кстати, меня зовут Настя.

– Да, знаю-знаю. – Степан ухмыльнулся; мы как раз забрели в чащу леса, следуя за Степаном. – Саша мне все уши прожужжал про тебя.

– Правда?

– Правда. – Я стукнул Степку по плечи, по-мужски так, чтобы в следующий раз не говорил невесть чего. – Эй, ты че?

– Ничего, – злился я.

– Саша, ты покраснел? – Настя, глядя на мое смущение, захихикала, прикрыв рот рукой, и спросила у Степы. – А те-

бя зовут Степан?

– Угадала. Неужели он и про меня рассказывал?

– И словом не обмолвился.

Мы хором засмеялись, нарушив лесную тишину.

– Вот и познакомились, – заключил я и поинтересовался у Степана, сколько еще идти до предполагаемого места обитания «Дитя тьмы».

– Он спрятался, как следует. Помнишь заброшенный поселок, построенный возле закрытой лесопилки? – Я кивнул. – А помнишь дом, стоявший в отдаление от поселка, скрытый от посторонних взглядов? – Я снова кивнул. – Так вот, он там. Видел, как зашел в дом и закрыл за собой дверь. Он точно там живет.

– Как ты его поймал?

– Как это обычно бывает – случайно. Дома делать было нечего, и я решил прогуляться до нашего домика. Нет, я знал, что вы там будете о чем-то секретничать. А вы не целовались?

– Степка, ты нарываешься.

– Ничего я не нарываюсь, просто интересуюсь. – Он сделал губки бантиком и начал чмокать ими. – Настя, не целовались? Он ведь никогда не признается, тот еще молчун.

– До этого не дошло, ты помешал.

– Вот такой я обломщик. – Степан гоготнул и посмотрел на меня; я был суровым и сердитым: если бы не Настя я давно бы воспользовался кулаками и проучил бы его. – Сашка,

не обижайся.

– Я не обижаюсь, я гневаюсь!

– Ну-ну, гневаться грешно. Лучше послушай, как я выследил «Дитя». – Степан сделал паузу. – Короче, подошел я к домику. Услышал ваши голоса и не стал вам мешать. Сам знаешь, Сашка, не имею такой привычки. Думал, думал, чем бы позаниматься – и надумал: побрел к заброшенной лесопилке. Пока шел, напевал себе под нос, посвистывал, словно соловей-разбойник. Ну, настроение было хорошее, чего бы и не посвистеть, и не попеть. Иду я, иду, значит, вышел на лесную дорогу, а тут – бац! – что-то рядом пробежало. Я раз глазами в сторону, а там наш дружок бежит. Я с дороги в лес; затаился в молоденьких елях, чтобы он меня не заметил. Он пробежал метров пятьдесят, остановился, огляделся по сторонам и зашагал в сторону лесопилки.

– Почему он не пользуется крыльями? – спросил я.

– А мне откуда знать-то!? Ну и вопросы ты задаешь. Я последовал за ним. Боялся, чего там уж скрывать. Думал, что он увидит меня, почувствует чужое присутствие. Но ничего подобного не произошло: он шел себе и шел, да что-то там себе под нос бубнил.

– Бубнил?

– Это еще что, Санька. Цветочки, как ты говоришь! Когда он запел «Утомленные морем», я вообще обалдел.

– Он пел на романдском языке? – уточнил я.

– Так точно! Правда, с небольшим южным акцентом, но

вполне понятно. Я расслышал каждое слово. Но и это еще не все.

– Он начал танцевать?

– Неа. Это было бы забавно: танцующий инопланетянин. Но такого не было. У «Дитя тьмы» есть свой питомец. – Степан, увидев мое ошарашенное лицо, засмеялся. – Я знал, что ты обалдеешь от такой вести.

– Кошка или собака?

– Собака. Обычная дворняга: помесь спаниеля и какой-нибудь там болонки. Не знаю. Собака ждала его у дома. Увидев хозяина, рванула к нему, а потом всего облизала от радости. «Дитя» по всей видимости, был рад такой перспективе, остаться в собачьих слюнях; все наглаживал ее и говорил, что она «хорошая собака».

– На романдском?

– Ну, на каком еще! Если бы он сказал на своем, инопланетном, я бы ни черта не понял.

– Ты не выдумал?

– Мне что, заняться нечем?

– Не знаю. Может, это розыгрыш?

– Какие могут быть шутки, когда дело касается внеземных цивилизаций.

– Логично.

– Вы извините, ребята, за мою назойливость, но мне хоть кто-нибудь расскажет про того, кого вы величаете «Дитя тьмы»? – поинтересовалась Даша.

– Да с легкостью, – сказал Степан и спросил. – А чего раньше не спрашивала, молчала? Давно бы рассказал.

Пока Степан в красках описывал нашу первую встречу с инопланетянином, мы незаметно добрались до лесопилки, которая обычно приводила меня в уныние – и не одного меня. Стены лесопилки окаймляла паутина трещин, идущих от основания до крыши, часть которой обвалилась и покоилась на прогнившем деревянном полу, покрытом пылью и грязью; черные глазницы лесопилки – окна – были выбиты; на уличном складе, закрытом покатой и дырявой крышей, лежала груда мусора, отвратительно пахнущая; ворота отсутствовали, обнажая запустевшее, одинокое, никому ненужное здание-призрак.

– Никогда здесь не была, – призналась Настя, с ужасом глядя на лесопилку.

– Говорят, здесь призраки обитают, – сказал Степка, причем на полном серьезе; я относился к таким байкам с недетским скептицизмом и любил подшучивать над доверчивым другом, верующим в то, что ни разу не видел; я предпочитал сначала увидеть, а потом поверить – и никак иначе.

– Да ну? – не поверила Настя.

– Вот тебе и «да ну»! Славку знаешь из 7 «в»?

– Сомовьего что ли?

– Того самого. Знаешь, почему он заикается? Привидение повидал здесь, когда с ребятами в прятки играл. Оно его чуть не утащило в подвал и не сожрало. Успел он отмахнуться и

убежать прочь.

– Врет он все! – вмешался я и самодовольно улыбнулся двум доверчивым птенчикам.

– Ничего я не вру, Соловьев сам говорил.

– Он врёт.

– Зачем ему это надо?

– Героем хотел стать.

– Вот еще! А почему он тогда начал заикаться?

– Я сколько его помню, он всегда заикался.

– А, ну тебя, Фому неверующего! Ни во что не верит! А ты, Настя, поверила?

– Глядя на эту жуткую лесопилку, легко поверить в привидений, – ответила она, на ходу заплетая волосы в косички.

– Настя, ты – наш человек.

– Спасибо. – Настя взглянула на меня и подмигнула. – И где поселок?

– Его и поселком трудно назвать. Домов десять. Не больше.

Поселок был в таком же состоянии, что и лесопилка. Опустевшие и безликие домики, без окон, с прогнившими крышами, на которых сидели и каркали жирные вороны, с перекошенными заборчиками, заросшими травой, крапивой и репейником. Но это было не самым ужасным; мертвая тишина – вот отчего бегали мурашки, когда мы шли по поселку, который со временем превратится в миф, в прах давно ушедших дней. Ни лая сторожевых псов, ни плача, ни кри-

ков, ни музыки, ничего из тех привычных звуков, что сопровождают жизнь живых, задают ритм и такт.

– И как вы тут играете в прятки? – Настя вся съежилась.

– Чем страшнее, тем веселее, – сказал Степан и засмеялся, нарушив монотонное завывание южного ветра в затхлых дворах домов.

– В таких ситуациях обычно нет выбора, – заметил я, – если не пойдешь играть на лесопилку, тебя быстро запишут в труса. А кому охота быть трусом? Никому!

– Правда, после того случая с привидением, мы – как и другие ребята – стали реже здесь появляться. Никто не желает знакомиться с привидениями.

– Все испугались того, кого не существует.

– Приведение существует! – возразил Степан.

– Нет!

– Да!

– Нет, нет, нет!

– Да, да, да!

– Приведений тут нет.

– Еще одна!

– Приведений тут нет, потому что Соловьева, скорее всего, испугал ваш друг, «Дитя тьмы».

– С чего ты это взяла?

– А ты подумай! Он бродит по Земле и находит себе уединенное место, домик в лесу. Живет себе, поживает среди этих развалин, ни о чем не думает. И тут раз – прибегает

свора парней. Они нарушали его покой, его одинокую жизнь. Он думает, как от вас избавиться, чтобы вы случайно о нем не узнали. Придумывает, что лучший способ напугать вас. И пугает! А что, проще просто надеть на себя белый балахон или простынь и испугать до смерти Соловьева.

– А что... может, так и было. – Степан задумался; как и я в принципе: в ее словах была доля правды, и от этого нельзя было отмахнуться, как от назойливой мухи в летнюю жару. Вообще, Настя поразила меня своим пронизательным умом; и почему мы со Степкой сами не догадались об этом.

– Он, по всей видимости, считает, что эти заброшенные земли – его дом, который он должен защищать от посторонних лиц, – поставила точку в своих суждениях Настя.

– Скоро я выясню, что он там считает, – заявил Степан.

– Размечтался! – съязвил я.

– Вот увидишь, он мне все выдаст.

– Ну-ну.

– Не веришь?

– Пока нет.

– А зря. Спорим? – предложил Степка.

– На что?

– На пачку сигарет.

– Каких?

– «Альдарадо».

– По рукам! – Мы пожали друг другу руки; я виновато посмотрел на Настю, которая в свою очередь с осуждением

смотрела на меня. – Мы не курим, только балуемся.

– Как же!

– Ты не пробовала? – спросил Степан.

– Нет. И не собираюсь, – ответила Настя и заключила, что это бесполезная и отвратительная привычка.

– Так говорят те, кто ни разу не курил, – парировал Степан. – Но ничего, мы тебя научим.

– Щас!

– Тебе еще понравится. Всем нравится курить.

– Я не как все.

– Смотрите! – крикнул я и указал рукой на небо, забранное пушистыми облаками, в котором кружили птицы и еще какой-то странный силуэт.

– И что мы должны увидеть? – Степан приложил правую руку ко лбу, чтобы лучше смотреть на парящие облака.

– Кажется, я вижу, – сказала Настя. И спросила, посмотрев на меня. – Это он?

Различить кто-то там парил на высоте тысячи метров, по сути, невозможно, поэтому я принял решения: спрятаться в густо поросшей траве (на всякий случай, как говорится). Мы долго пролежали в траве, наблюдая за птицами, танцующими вальс в бездонной вселенной, окруженной ветрами, солнцем и туманом от постоянно плывущих облаков-путешественников.

– По ходу, Санька, ты обознался, надо топать дальше.

– Наверное. Пойдем.

Дом, спрятанный в лесу от посторонних взглядов, был в лучшем состоянии, чем другие дома в поселке; это сразу бросалось в глаза. Заново сколоченный заборчик – правда, неумело и, как мне показалось, на скорую руку; ухоженный дворик подле дома, без травы и вездесущей крапивы; окна заколочены фанерой; на крыши лежали вторым ярусом доски, на них – сено; в воротах гаража проделано квадратное окошко, через которое могла с легкостью пролезать спаниель. В этом доме явно кто-то жил и мы, втроем, хотели это выяснить.

Чтобы наблюдать за домом, мы спрятались в кустах бузина; как нам показалось, в идеальном месте для шпионажа. Степан естественно был недоволен таким положением дел и не потому, что он скучал в «засаде», а потому, что хотел выиграть спор, затеянный со мной (и зачем я только с ним поспорил!). Я отговаривал его; говорил, что он только все испортит, если вломиться сейчас в чужой дом.

– А что ты предлагаешь: сидеть и ждать еще часа два?

– Я предлагаю: наблюдать!

– И что нам это даст?

– Не знаю пока.

– Вот именно, что ты ни черта не знаешь! Надо действовать, причем решительно, а не сидеть, сложа руки.

– Разве ты не боишься? – спросила у Степана Настя.

– Я ничего не боюсь.

– Он свистит!

– Говорю как есть.

– Он ничего не боится, если не считать темноты, пауков, высоты, туннелей и еще тысячу фобий.

– Брехня все это, – отнекивался он.

– Меня не обманешь, я-то тебя знаю.

– Короче, Санек, закрой пока свою варежку и смотри, как работают профессионалы. И готовь пачку первоклассных сигарет! – Степан уверенной походкой зашагал к дому.

– Ты не остановишь его? – испуганно спросила Настя.

– Нет. Пускай идет, герой чертов! Его все равно не переубедить.

– А если «Дитя» – опасен?

– Его проблемы.

– Он же твой друг.

– И что ты предлагаешь?

– Идти за ним. Одного «Дитя» не побоится, а троих – за просто испугается.

– Ох, как мне хочется в это верить. Идем!

***

– А вы чего приперлись? – спросил Степан, когда мы подошли к нему; мы стояли в двух шагах от дома. – Я бы и один справился.

– Ладно, не умничай. – Я держал в руках палку, наивно полагая, что она поможет мне; Настя, по моему наказу, взяла

в каждую руку по камню. Лишь Степка был не вооружен, но опасен: его кулаки – лучше любого камня. – Мы пришли помочь.

– Втроем не так страшно, – заметила Настя, озираясь по сторонам.

Степан без лишних предисловий постучал в дверь, напористо и гулко. У меня замерло сердце. Те мгновения показались мне вечностью: стук в дверь – и в ответ тишина; снова стук – и снова тишина. Минуты ожидания, ожидания перед неизвестным, пугающим и волнующим, сбивали с толку, приводили в трепет, рисовали жуткие картины в моей голове, заставляли дышать учащенной, словно после весенней пробежки; я слышал колокола в ушах и думал, что не выдержу больше ни минуты, трусливо убегу, спрячусь где-нибудь и как ненормальный закричу.

– Шышь он откроет. – Глядя на Степана можно было увидеть воинственность в глазах, огоньки безумства: так он желал доказать всем, в том числе себе, что он ничего не боится, что все страхи остались в прошлом; он вырос и готов стать героем.

– Выломаю фанеру в окне и проникну в дом.

– Ты с ума сошел! – прикрикнул я и услышал слабое рычание собаки, доносимое за дверью дома. – Вы слышали?

– Спаниелей я еще буду трусить – ну уж нет!

– Хозяин дома. И собака дома. Надо бежать отсюда, пока он не вышел и не...

– Эй, летающий двуногий чудик, выходи на честный бой! – крикнул Степан и забарабанил по двери.

И тут случилось то, что никогда не стереться из моей памяти. Ворота резко распахнулись, из дома повалил густой белый дым, начало что-то взрываться под ногами, а потом появлялся ОН – Его Величие «Дитя тьмы», от вида которого у меня заледенела кровь в жилах и глаза чуть не вылезли из орбит; я свалился на землю и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Его крылья были расправлены; худенькое тело скрывал черный плащ, пропитанный чей-то кровью (полы плаща волочились по земле); на обнаженных кистях рук красовались длинные, пожелтевшие когти; морда скрылась под толстым слоем грязи; во рту – кусок окровавленной плоти, которую он с удовольствием жевал; на лбу – два рога. Глядя на нас сверху вниз, на испуганные личики трех подростков, он выплюнул разжеванную плоть и зарычал, как рассерженный медведь. Инстинкт самосохранения подсказал мне, что надо как можно быстрее уносить ноги, пока еще не поздно; Насте и Степану тоже подсказывали инстинкты. Мы бежали со всех ног в сторону штаба, подальше от лесопилки, от его страшного обитателя.

Забравшись в домик на дереве, мы рухнули на скамью; вы не поверите, но мы бежали от лесопилки до штаба без остановок, а это порядка двух километров по лесной местности. В полной тишине мы просидели минут десять; не знали, что друг другу сказать; мы, участники «авантюры», прибывали в

состоянии близкому к шоку – не каждый день видишь столь ужасного монстра, да еще воплоти, в реальном мире, далеком от мира кино.

Степан извлек из пачки «Форта» сигарету, облизнул белый фильтр, сжал в губах, чиркнул спичкой и закурил.

– Кто же это был? – спросила шепотом Настя.

– Определенно инопланетянин.

– Я бы сказал, очень опасный инопланетянин, – подправил я друга. – Настоящее страшилище!

– Бррр! – Настя вся сжалась. – Как вспомню его зловещий силуэт, его когти, так сразу дурно на душе.

– Да... уродливый типок, – согласился Степка.

– Надеюсь, он не будет преследовать нас?

– Как знать. – Я старался быть честным с Настей. – После того, как мы вломились в его дом, он вряд ли о нас хорошего мнения.

– Все нормально будет, – успокаивал нас Степан. – Больно мы нужны ему.

– Не знаю, не знаю, – сомневался я. И добавил. – Мало ли что у него на уме?

– Надо договориться, – сказала Настя, покусывая ногти на руках.

– О чем?

– Что больше не пойдём на лесопилку, ни под каким предлогом. Идет?

Мы пожали друг другу руки, тем самым заключив сделку,

которую мне придется нарушить в самое ближайшее время.

Глава 5

С наступлением летней жары, долгожданных каникул, мы со Степкой несколько раз заводили разговор о «Дитя тьмы», но не более того. Ни о каком «может, сходим на разведку к лесопилке» не могло быть и речи. Во-первых, мы пообещали друг другу, что ни шагу туда, где обитает «Дитя». А во-вторых, нам было страшно; после увиденного воочию облика инопланетянина мы понимали, что идти к лесопилке опасно для жизни (мало ли, на что он способен?).

Я не хотел нарушать обещания и уж тем более рисковать собственной жизнью, но в тот день в меня вселился демон и от прежнего меня остались рожки да ножки. Причина для моей трансформации в очередной раз послужила ссора с отцом...

В тот день я, как и положено, работал с дедом в гараже; он менял передние стойки на пятилетнем «Мерседесе», отъездившем чуть меньше сотни тысяч километров; я по наказу деда правой рукой подавал ему необходимые для ремонта инструменты, а левой – держал в руках переноску, освещающую рабочую зону. Работа оказалась долгой и напряженной; у старых автомобилей один минус – все узлы ходовой части обычно все в ржавчине, прикипевшие. На черном «Мерседесе» с угловатыми чертами, придававшими автомобилю брутальности и мужественности, еще ничего меняли – эта была его первая поломка, – поэтому деду пришлось туго: он жутко

сквернословил, когда болты не откручивались, но не отчаивался – подключал выдавшую виды болгарку и срезал неподатливые болты; поработав с болгаркой, он запевал. Через шесть часов стойки были поменяны.

После работы мы по традиции вышли из темного гаража на улицу, освещенную дневным солнцем, уселись на стулья, закрытые самодельным тентом и принялись распивать горячий чай. Оба чумазых, потных, изможденных от жары, в грязных, обмасленных обносках, мы сидели и наслаждались горячим чаем. Сначала дед молчал, погруженный в собственные мысли, глядя вдаль, на полоску смешанных лесов, но потом разговорился.

– Хорошо, – сказал он и протянул мне пустую кружку. – Сбегай-ка, отнеси. И принеси мне папирос. И спичек.

Я беспрекословно подчинился – и уже через минуту вдыхал приятный табачный запах, который расстилалась на несколько метров. Дед курил с сознанием дела, неспешно, наслаждаясь каждой затяжкой; глядя на него, мне самому жутко захотелось курить.

– Ты не куришь? – строго спросил он, выпуская на волю едкий, густой дым.

– Нет, – поспешил ответить я. Глаза не опускал, смотрел на деда, в его глубоко посаженные, словно высветившиеся голубые глаза.

– И не пробовал?

– Никак нет.

– Тебе сейчас скоч?

– Двенадцать.

– Вот именно двенадцать. И ты хочешь убедить старика, что ты все еще невинное дитя, которое не пробовало табак?

– Я...

– Каждый мальчишка – это будущий мужчина. А каждый уважающий себя мужчина должен заниматься мужским занятием: курить! Так что, внук, если ты пробовал табак в двенадцать – это нормально. Это сугубо по-мужски. По-братски. А если ты не пробовал, то обязан сейчас же...

– Я курил табак, – признался я, что бы только не курить при деде. Я бы сгорел от стыда.

– Вот и славно. И нечего краснеть, товарищ. В этом нет ничего зазорного и уж тем более преступного.

– Отец считает иначе.

– Твой отец – мой сын – вообще в корне отбился от рук. Надо бы с ним поговорить, а то его фанатичное поклонение фашизму совсем лишало его здравого смысла.

– Не говори ему, что я курил.

– Ты боишься его?

– Да.

– Правильно, отца надо бояться. Но тебе не стоит переживать по этому поводу.

Он затушил сигарету в консервной банке и попросил у меня налить ему еще крепкого чая. Я метнулся. И не потому, что я был таким послушным мальчиком, а потому, чтобы

уйти от этого щекотливого разговора. Когда я принес деду кружку наваристого чая, разбавленного тремя ложками сахара, он одарил меня широкой улыбкой.

– Спасибо.

– Не за что, дедушка.

– У меня к тебе вопрос.

– Какой?

– Он тебя смутит. Я знаю. Но ты должен на него ответить предельно честно. Сможешь?

– Постараюсь.

– Я не уверен, что ты сможешь.

– Как ты можешь знать, что я отвечу?

– Отец тебя бьет?

– Нет. – Ответил я после недолгого молчания. Меня бросило в пот. – Он меня не бьет.

– Уверен?

– Да.

– Откуда-то тогда синяки?

– Мы со Степкой любим подраться.

– Обычно друзья не дерутся друг с другом.

– Так выходит.

– А мать твоя, почему в синяках? Тоже с подругой, с тетей Аллой, любит подраться? – Я нервно засмеялся, не зная, куда себя деть. – Откуда у нее синяки?

– Я не знаю...

– Знаешь, черт побери! – выругался дед и в приказном

тоне сказал. – Ты обязан сказать мне правду! Обязан!

Он смотрел на меня, я – на него.

– Так и будешь молчать? Я жду. И пока ты не скажешь то, что я хочу услышать, ты никуда не пойдешь. С этим все ясно?

– Да.

– И что?

– Отец не бьет нас.

Я так и не признался деду, что отец иногда наказывает меня и маму; дед долго ждал моего признания, но через некоторое время сдался.

– Зря ты выгораживаешь отца. Зря! – объявил он и закурил. – Безусловно, с тобой можно идти в разведку. Тайн ты не выдашь, даже самых безобидных и нелепых. Честь и хвала тебе, товарищ. Но это одна сторона медали. Про вторую я не буду напоминать тебе. Лишь объясню: то, что сделал, делает и возможно сделает снова твой отец... это далеко не по-мужски, и не почести. Ты должен это понимать. – Молчание. – Видишь ли, внук, иногда надо молчать, а иногда – нет. И этот случай как раз из тех, когда не надо молчать и скрывать правду. Не хочешь признаться?

– Нет.

– Твердолобый, как я. – Дед улыбнулся и сразу же сбросил лет десять. – Ну и ладно. Я и без признания и так все понял, что мой сын распускает руки. Знаешь, как я догадался? – Я не успел ответить, он продолжил говорить. – Когда я спро-

сил, бьет ли тебя отец или нет, ты ответил, что «нет». Одно единственное слово, произнесенное за минуту. Как-то маловато. Если мой дед спросил бы у меня, бьет ли меня отец, знаешь, чтобы я ему сказал: «Ты что, старик, совсем ополоумел! Мой отец никогда не подымал на меня руки, и я уверен, что никогда не поднимет, так как он самых честных правил». Ты понимаешь, внук? Понимаешь, понимаешь. А ты просто сказал «нет», тем самым выдав себя. Сегодня у меня состоится очень серьезный разговор с твоим отцом. Так можешь ему и передать. Пускай ждет меня к пяти.

– Я...

– Больше ни слова, внук. Прибери гараж и дуй домой. И подумай над моими словами. Хорошенько подумай. Поверь мне, в будущем тебе это пригодится. Если ты научишься понимать, когда надо говорить, а когда держать язык за зубами – из тебя, возможно, получится настоящий мужчина. А сейчас ты пока пацан, который ошибся. Я на тебя по этому поводу не серчаю и не обижаюсь. Немного злюсь. Но это нормально. Все, давай, за дело.

После этого дед больше не проронил ни слова; пока я тщательно прибирался в гараже, он прокатился на «Мерседесе» по жилому району, удостоверился, что все в порядке, что работа сделана на совесть – и позвонил хозяину, чтобы он забирал своего черного «коня» благородной породы. Тот приехал на такси через десять минут после звонка; протянул деду деньги, поблагодарил, пожал руку, что-то шепнул, сам же

рассмеялся, потом сел в машину и укатил. Дед пересчитал деньги, пятерку отсчитал мне, остальное положил в карман промасленных штанов.

– Но мы ведь договаривались на два рубля за смену? – изумился я, держа в руках, по меркам двенадцатилетнего юнца, огромные деньги, на которые можно было купить половину велосипеда «Динамо».

– Дают – бери, – сухо ответил он и пошел напоследок проверять гараж; все ли отключено.

– Спасибо.

– Иди уже. – Он махнул мне рукой. – Завтра не опаздывай.

– Я могу подождать тебя?

– Не надо. Я хочу прогуляться. Один. Старикам это иногда необходимо.

– Хорошо. Ну, пока!

– До завтра.

Но домой я не пошел; в голове созрел идеальный план, куда потратить заработанные деньги. Настя пару раз говорила мне, что хочет собственные ролики, а не те, что ей достались по наследству от старшей сестры; они были старыми, пошарканными и неудобными.

По дороге до магазина я вспомнил о нашем разговоре с дедом и меня терзали закономерные вопросы: что будет после их разговора по душам и как сильно мне достанется? Хоть и дед уверял меня, что мне можно не волновался, но я волновался, ибо знал отца и мог с легкостью предположить, какие

он предпримет по отношению ко мне меры.

Настя ушла с папой в гости к бабушке за пять минут до моего прихода; пошла с папой в гости. Естественно, я огорчился, дабы воздвигнутые планы рухнули, как спичечный домик от порыва ветра. От магазина до самого Настенного дома я представлял, как она нехотя – мол, да зачем, да не надо было, да неудобно – возьмет коробку в руки, откроет ее, увидит там белые ролики с розовыми шнурками и вся просияет в улыбке, а потом возможно обнимет меня и поцелует в щечку.

– Ей что-нибудь передать? – спросила ее мама, одетая в домашний халат в цветочек.

– Скажите, пожалуйста, чтобы она позвонила мне, когда придет, – попросил я.

– Передам. Будешь яблочный сок?

– Нет, спасибо. – На самом деле я хотел пить, особенно яблочный сок, но природная скромность взяла надо мной вверх; как обычно, в общем-то.

– Не скромничай. Подожди.

Выпив стакан холодного яблочного сока, я поблагодарил Настину маму и побрел домой. Кстати, разочарование от того, что я не подарил подарок, само по себе рассеялось – неужели всему виной была жажда? – и у меня снова выросли крылья; я снова представил, как вечером, под самые густые сумерки, дарю ей ролики – а Настя целует меня. В моих мечтах всегда преобладали поцелуи, а куда деваться, когда

сердце безнадежно любит, не выкинуть же его?

***

– Что в коробке? – поинтересовалась она, когда я разулся и поспешил в свою комнату, держа в руках коробку. Мама последовала за мной.

– Подарок.

– И кому этот не маленький подарок? Случайно не мне?

– Нет, мам, не тебе. Другу.

– У тебя, к моей огромной радости, теперь два друга. Кому из них?

– Насте.

– Я так и поняла. Что в коробке?

– Ролики.

– О, дорогой подарок!

– Я знаю, но дедушка сегодня был щедрым. Дал мне пятерку.

– Балует он тебя. Балует.

– Я просто хорошо выполняю его поручения.

– Я не сомневалась в этом. – Мама задумалась. – А у нее что, нет роликов?

– Есть, но нее. Старшей сестры вроде бы. Они старые, она стесняется их надевать. Вот я и решил купить, чтобы мы вместе катались на роликах.

– Правильно и сделал, дорогой. – Она взъерошила мои

волосы на голове. – Папе не слово об этом, ага?

– Я же не себе купил?

– Все равно он не одобрит. И ты знаешь почему.

– Знаю, – согласился я и спрятал коробку под кровать.

– Меньше знает – крепче спит.

До прихода отца, мы решили пересмотреть «Венецианские каникулы». Веселый, добрый и романтический фильм с ее участием; мы любили его и частенько включали, когда не было настроения.

До замужества мама успела сняться в четырнадцати лентах, которые пользовались успехом как у критиков, так и зрителей; она умела выбирать хорошие проекты из миллиона неудачных, откровенно плохих. Последняя роль принесла ей ворох престижных наград, в том числе «Золотого Льва» и «Бронзовую Софу» за лучшую женскую роль. Зарубежные критики, а так же киноакадемики единогласно признали ее лучшей в данной ипостаси. Газета «Время» написала следующее: «С ролью домохозяйки, которая пошла на фронт, чтобы защищать свой дом, страну от агрессоров, актриса не просто справилась, она прожила этот образ – и достойна всех кинонаград в уходящем году. Другая газета «Истории Империи» написала так: «Ее талант – обезоруживает, ее игра – обескураживает, ее красота – сбивает с ног. Одна из лучших актрис своего времени! Если она продолжит в том же духе – весь мир будет у ее ног». По истечению тринадцати лет ее все еще звали в кино и в театр, но она только и делала, что

отказывалась от заманчивых предложений.

Однажды я спросил у нее, почему она перестала сниматься; на что она ответила: «С такой сумасшедшей работой, которая отнимает у тебя уйму времени и сил, я не смогла бы всегда быть с тобой. Надо было выбирать: либо работа, либо семья. Я выбрала семью и нисколько не жалею». Если раньше, лет в семь, я верил ей, то потом ее слова потеряли в весе, потому что я узнал горькую правду – отец запрещал ей сниматься, таков был закон.

Когда пошли титры, мама всплакнула; я с удивлением посмотрел на нее и сказал:

– Мам, надо смеяться, а ты плачешь. Фильм ведь закончилась хорошо.

– Это слезы радости.

Только через годы я понял, что это были слезы разочарования, разочарования от жизни, которая сначала одарила ее любовью всего мира, а потом бесцеремонно и внезапно забрала все, что у нее было.

***

Мало того, что отец задержался на работе на несколько часов, так он еще пришел в отвратительном настроении; мне было понятно, кто его задержал и почему он во время ужина с такой ненавистью смотрел на маму, словно она олицетворяла все зло, усеянное в грешных людских душах. Мама, чувствуя на себе сверлящий и озлобленный взгляд отца, вся сжалась, покрылась испариной.

– Тебя что-то не устраивает? – резко спросила она.

– Нет, – ответил он и откусил кусок хлеба. – Ужин холодный.

– Он был бы горячим, если бы ты вовремя пришел.

– Дерзишь?

– Имею на это полное право.

– А не кажется ли тебе, милая, – он отложил столовые приборы, – что у тебя слишком много прав?

– Нет, мне так не кажется.

Отец вытер губы салфеткой, нервно схватил зубочистку и начал ковыряться ей в зубах.

– Знаешь, почему я сегодня задержался?

– Нет. – Мама поднесла к губам бокал с красным вином, но так и не выпила. Посмотрела на меня, на испуганного мальчишку, который от назревающего и неизбежного «унижения» уходил в себя. – Дорогой, рот не разевай, кушай. И так ужин остыл.

– Отца встретил, точнее... он меня встретил.

– Как он поживает?

– Жив. Как обычно сует нос не в свои дела. – У меня по спине пробежала холодок. – Ты с ним накануне не общалась?

– Не помню. – Она задумалась и глотнула вина. – Хотя вру. Вспомнила. Мы в среду встретились в магазине, словно поболтали. А что?

– Ты случайно не рассказывала ему о нашем недавнем инциденте?

– О каком?

– Когда я вышел из себя... и ударил тебя. За что извинился и извинюсь еще раз.

– О таком не болтают. Я ведь не дура.

– Может, случайно лишнего взболтнула?

– Я за своим ртом слежу.

– Тогда откуда он узнал о том инциденте?

– А почему я могу знать?

– Мне кажется, ты знаешь.

– Ты серьезно думаешь, что я стала бы жаловаться на тебя твоему отцу? Ничего больше не мог придумать.

– Если ты не говорила – значит, кто-то другой сказал. Правильно я рассуждаю, сын?

Я оторвал взгляд от тарелки и взглянул в его глазницы, полные ненависти; я не верил, что передо мной сидит тот самый человек, который когда-то катал меня на спине и учил играть в шахматы.

– Наверное, – выдавил я из себя одно-единственное слово, пришедшее на ум.

– Ты ведь с дедом сейчас тесно общаешься в гараже?

– Не совсем.

– И как прикажешь это понимать?

– Ну, когда он работает, он неразговорчив. Обычно материться и приказывает, что поддать, где посвятить, где подержать.

– Узнаю своего старика. В гараже он сам по себе, на своей

волне. Работал раньше там, знаю.

– Он еще часто песни поет, – добавил я.

– Тоже верно. По ходу, ты говоришь правду. А домой вы идете вместе?

– Нет. Дедушка всегда позже уходит. Пока все проверит час-другой пройдет.

– Значит, ты не ябедничал ему, что я ударил тебя?

– Нет. – Сколько мне еще придется врать отцу и терпеть такие унижительные допросы? – Я ничего не говорил.

– Ты – не говорил, наша матушка – тоже. Интересно получается! – Он позволил себе короткий смешок. – Никто не говорил. Никто. А дед знает о том, что его не должно было касаться. Вам не кажется, что тут что-то не сходится? Что кое-кто трусливо молчит и не хочет признаться в содеянном проступке?

– Всё, надоело! – не выдержала мама и встала из-за стола, да так резко, что табуретка, на которой она сидела, грохнулась на пол. – Хватит с меня этих допросов, в горле уже стоят! – Она кричала; на шее вздулись вены; лицо покраснело. – Кто мы тебе, заключенные что ли? Нет! Мы – твоя семья. Если хочешь допрашивать, иди на работу – и допрашивай вволю тех, кто этого заслуживает. Не надо смешивать работу с семьей. Ты понял меня?

Отец сидел, неподвижно и вальяжно, ухмылялся, глядя на жену, глаза которой заполонили слезы.

– Ты закончила? – спокойно спросил он. – Я полагаю, мол-

чание – знак согласия. Можешь садиться.

Мама послушно подняла с пола опрокинутую на бок табуретку и села на нее, попутно поправляя прическу.

– И зачем было устраивать истерику? – Отец задал чисто риторический вопрос; никаких ответов он не ждал; теперь говорил он – хозяин дома, которому вздумали указывать то, что ему можно делать в его доме, а чего нельзя. – Тем более при нашем сыне. Ты напугала его. Видишь, как он дрожит?

– Думаешь, он дрожит из-за меня?

– Ну не от меня же, черт возьми! Я, в отличие от тебя, дорогая, не кричу как полоумный от каждого незначительного эпизода в семейной жизни. Может, тебе стоит проверить нервишки? Записать тебя к хорошему психологу? Я знаю телефончик.

– Засунь себе его в одно место! – Мама не говорила, а шипела, как загнанная в угол кошка.

– Ха, какой поворот событий. Надо же!

Отец взял в правую руку бокал, сделал два больших глотка – на дне оставалось немного вина – на мгновение замер, задумался, а потом бросил его прямо в мамино лицо.

От неожиданного удара мама повалилась с табуретки и упала на спину; разбился хрусталь – еще одно семейное счастье. Я, сдерживая слезы, подбежал к ней – и с ужасом увидел, что на ее лбу зияла кровавая полоска; бровь была разбита. Она плакала, пытаясь спрятать от меня свои горькие слезы. Я обнял маму.

– Герой, помоги ей лучше встать с пола.

– Я ненавижу тебя! – Во мне пылал огонь ярости, пламя несправедливости. Если бы я был старше и сильнее отца, я бросился бы на него – и избил. – Ненавижу! – Слезы текли по моим щекам; внутри что-то клокотало. – Это я сказал деду, что ты бьешь нас! Я! Я! Я! Чтобы он проучил тебя!

Отец, молча, поднялся из-за стола и пошел ко мне; я не растерялся, поднял с пола острый осколок разбитого бокала, крепко сжала его в руке, и рассек им воздух.

– Не подходи! – рявкнул я.

– На собственного отца руку поднял? Не стыдно?

– Не подходи!

Он не послушал и ринулся на меня, как бык на красную тряпку; я размахнулся и поранил его руку. Отец вскрикнул; закапала кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.